Евг. Темниковскій.

Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти.

Историко-догматическій очеркъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1909.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *М. Чубинскій*.

(Отдѣльный оттискъ изъ № 1 (3) «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ).

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
2921
24

Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти.

Въ управленіи Церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго.

Вопросъ о положеніи Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви составляетъ предметъ рѣзкой контроверзы въ русской литературѣ церковнаго права. По одному взгляду, представляемому проф. Н. С. Суворовымъ, императоръ есть «субъектъ» высшей церковной власти согласно правосознанію церкви и положительному внутреннему церковному праву. По другому взгляду, развитому духовной литературой, императоръ для русской православной церкви — власть внѣшняя, государственная.

По мнѣнію проф. Суворова, въ древней восточно-православной церкви «субъектомъ» высшей церковной власти былъ византійскій императоръ; признаніе за русскимъ императоромъ высшей правительственной власти въ православной церкви является историческимъ наслѣдіемъ послѣ императоровъ византійскихъ. Это признаніе въ императорѣ высшей церковной власти есть выраженіе русскаго народнаго правосознанія. До изданія основныхъ законовъ 1906 г. это положеніе обосновывалось такимъ образомъ: между царскимъ самодержавіемъ, какъ сознаннымъ принципомъ русскаго публичнаго права, и между усвоеніемъ царю высшей церковно-правительственной власти есть необходимое соотношеніе: русскій народъ, политически управляемый самодержавнымъ царемъ, поскольку этотъ же самый народъ соста-

вляетъ русскую православную церковь, не можетъ допустить существованія въ русской землѣ другой *юридической* власти, независимой отъ самодержавнаго царя [1]). Послѣ изданія основныхъ законовъ 1906 г. той же матеріи дана такая формулировка: Верховная самодержавная власть русскаго императора содержитъ и государственную, и церковную власть. Послѣдняя обосновывается не на томъ, что императоръ, какъ глава государства, имѣетъ власть надъ церковью, находящеюся въ предѣлахъ государственной территоріи, а на томъ, что онъ лично принадлежитъ и не можетъ не принадлежать къ православной церкви и что, въ качествѣ христіанскаго государя, онъ есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія. Блюстительство логически немыслимо безъ принятія мѣръ на пользу правовѣрія и благочинія, т. е. безъ правительственной власти. Титулъ «блюститель» не въ Россіи сочиненъ, а перешелъ изъ Византіи. Идея блюстительства выражалась тамъ въ названіи царя «епистимонархомъ» (ἐπιστημονάρχης), т. е. наблюдателемъ за исполненіемъ всѣми церковно-должностными лицами ихъ церковныхъ обязанностей, или «попечителемъ, радѣтелемъ во всемъ и промыслителемъ» (ὁ ἐκ Θεοῦ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν αὐθέντης καὶ βασιλεὺς ὁ τῆς ἐκκλησίας φροντιστὴς καὶ κηδεμὼν ἐν πᾶσι καὶ προνοητής [2]). При этомъ построеніи самодержавіе не надо понимать, какъ политическій принципъ, а имѣть въ виду его церковную сторону. Существованіе автокефальныхъ церквей въ Греціи, Румыніи и славянскихъ земляхъ безъ самодержавія не доказываетъ несостоятельности мнѣнія тѣхъ, кто признаетъ невозможность существованія русскаго православія безъ самодержавнаго царя. Можно предполагать существованіе нѣкоторой исторической связи между фактомъ возникновенія разныхъ автокефальныхъ церквей и тѣмъ фактомъ, что до настоящаго времени существовало (?) русское государство съ православнымъ царемъ [3]).

---

[1]) Учебникъ церк. права, изд. 1902, стр. 228.
[2]) Учебникъ церков. права, изд. 1908, стр. 191—192.
[3]) Тамъ же, стр. 194—198.

Положеніе, что высшая правительственная власть въ русской православной церкви принадлежитъ самодержавному императору, ясно выражено въ основныхъ законахъ Россійской имперіи, именно въ ст.ст. 63—65 (Св. Зак. т. I, ч. I основ. зак.).

Царская церковная власть простирается на то, что въ католическомъ церковномъ правѣ называется potestas jurisdictionis. Русскому монарху принадлежитъ въ русской православной церкви законодательная власть во всемъ томъ, что касается юридическаго порядка церкви не въ смыслѣ государственнаго placet, а въ смыслѣ внутренней правообразующей силы. Ему же принадлежитъ верховный надзоръ за состояніемъ жизни православной церкви не въ смыслѣ государственнаго надзора, имѣющаго цѣлью охрану государственныхъ интересовъ, а въ смыслѣ надзора, исходящаго отъ внутренней верховной власти церкви. Хотя въ отправленіяхъ суда самодержавная царская власть не принимаетъ участія, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ она есть высшій источникъ правосудія по всякимъ дѣламъ и для людей всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и духовнаго [1]). Несовсѣмъ ясно, признаетъ ли проф. Суворовъ, что всѣ акты управленія церковнаго исходятъ отъ имени императора; относительно нѣкоторыхъ, напр., канонизаціи святыхъ, установленія праздниковъ, отвѣтъ дается въ положительномъ смыслѣ, но не дается отвѣта, отъ чьего имени устанавливается обязательный для церковнаго употребленія текстъ богослужебныхъ книгъ, производится отлученіе отъ церкви и друг.

Изложенный подлинными словами взглядъ проф. Суворова, насколько намъ извѣстно, не былъ принятъ въ русской ученой юридической литературѣ, а въ литературѣ духовной встрѣтилъ ожесточенную полемику. Положительный научно-юридическій результатъ полемической духовной литературы по нашему вопросу нельзя признать значительнымъ. Отношеніе Императора Всероссійскаго къ русской православной церкви осталось далеко невыясненнымъ. Духовная литература ставила

[1]) Тамъ же, стр. 192, 193, 231, 238—239, 272.

себѣ задачей—разъяснить положеніе византійскаго императора въ греческой церкви, указать, что признаніе государя въ качествѣ высшей церковной власти чуждо правосознанію православной церкви, что объединеніе въ лицѣ монарха государственной и церковной власти—протестантская идея. Ни съ той, ни съ другой стороны не было отдано должнаго вниманія дѣйствующему русскому праву.

Задачей настоящей работы ставится разсмотрѣніе этого вопроса съ точки зрѣнія положительнаго права, т. е. уясненіе, какъ рѣшается онъ русскимъ положительнымъ правомъ, указаніе идейнаго источника нашего законодательства, относящагося къ вопросу, и оцѣнка положеній, заключающихся въ этомъ законодательствѣ на основѣ теоретическаго ученія о власти.

I.

Въ духовной литературѣ по нашему вопросу настойчиво проводился взглядъ, что признаніе Императора Всероссійскаго въ качествѣ высшей власти есть привнесеніе въ русское право чуждаго ему принципа, развившагося въ нѣдрахъ протестантизма и выдвинутаго для объясненія строя мѣстныхъ протестантскихъ церквей (Landeskirchen), согласно которому во главѣ послѣднихъ стояли государи отдѣльныхъ государствъ (Landesherren). Вѣроятно, этимъ объясняется то обстоятельство, что проф. Суворовъ положилъ много труда, чтобы связать вопросъ о высшей власти въ русской церкви съ вопросомъ о церковной власти императоровъ византійскихъ. Высшая церковно-правительственная власть русскаго императора, по его мнѣнію, есть историческое наслѣдіе отъ императоровъ византійскихъ.

Если здѣсь имѣется въ виду указать на культурно-историческую преемственность, то изъ этого едва ли можно извлечь сколько-нибудь цѣнныя юридическія консеквенціи для дѣйствующаго русскаго права. Культурно-историческое наслѣдованіе, конечно, не знаменуетъ того перехода правъ и обязанностей отъ наслѣдодателя къ наслѣднику, какое имѣетъ мѣсто при наслѣдованіи въ

гражданскомъ правѣ. Поэтому. даже исходя изъ признанія «византійскаго наслѣдія», едва ли можно видѣть плодотворную работу въ толкованіи дѣйствующихъ русскихъ основныхъ законовъ путемъ искусственнаго сближенія ихъ отдѣльныхъ выраженій съ цвѣтистыми византійскими эпитетами императоровъ. Въ этихъ эпитетахъ было слишкомъ много этикетныхъ условностей и царедворческой лести, чтобы еще оставалось мѣсто для здоровой правовой мысли. Во всякомъ случаѣ не съ меньшимъ основаніемъ именованіе императора «блюстителемъ» можно выводить, какъ будетъ указано ниже, съ Запада.

Идея византійскаго наслѣдія, надо думать, выдвинута для защиты конфессіональной благонадежности положенія о церковной власти императора. Имѣлось въ виду указать, что положеніе это взято не изъ протестантскаго, а подлинно православнаго источника. Такого рода соображенія, стоящія, такъ сказать, по ту сторону научныхъ интересовъ и задачъ, до сравнительно недавняго времени не могли быть устранены изъ поля зрѣнія канониста. Но даже имѣя въ виду конфессіональную оцѣнку разсматриваемаго положенія, едва ли большой выигрышъ опирать его не на нѣмецкія данныя, а на византійскія. Правда, нѣмецкая конструкція—протестантская, но, вѣдь, и византійское воззрѣніе на положеніе императора въ церкви не специфически православное. Не говоря уже о томъ, что оно имѣло свои параллели на Западѣ, въ самой Византіи оно было переживаніемъ языческо-римскихъ идей. Такой взглядъ можно назвать господствующимъ въ западной литературѣ. Приведу здѣсь формулировку этого взгляда проф. Гирке. Останавливаюсь на ней въ виду ея тщательности въ юридическомъ отношеніи и богатой обоснованности. «До Константина,—говоритъ Гирке,—понятіе церкви, какъ таковое, само собою разумѣется, не имѣло никакого значенія. Отдѣльныя христіанскія общины подчинены были обыкновенному праву союзовъ... Константинъ ввелъ церковь какъ таковую въ право, и теперь для нея вступило въ силу право признанныхъ государствомъ союзовъ. Какъ признанное союзное единство, церковь стала корпоратив-

нымъ единствомъ римскаго jus publicum. Она, поэтому, въ своемъ цѣломъ стала прежде всего носительницей публично-правныхъ полномочій. Какъ таковая, она подобно другимъ публично-правнымъ единствамъ, имѣла особую организацію, но оставалась частью государства... Извѣстно, какъ старое римское положеніе, что jus sacrum составляетъ часть jus publicum, перенесено было на христіанскую церковь, какъ императоръ, представляя всѣхъ субъектовъ правъ въ jus publicum, образовалъ источникъ и активнаго носителя единства церкви... Теократическая идея создала для абсолютно-монархической власти конца античнаго періода исторіи новый титулъ и расширенную сферу дѣйствія, но оставила ея оригинальное внутреннее существо совершенно незатронутымъ. Corpus juris civilis даже въ своихъ частяхъ изъ христіанскаго времени передалъ потомству не специфическихристіанскія понятія о государствѣ и правѣ, а украшенныя, со внѣ-христіанскими придатками, языческоримскія» [1]). Такимъ образомъ, если нѣмецкое воззрѣніе, объединяющее въ одномъ лицѣ монарха власть государственную и церковную,—не православное, то византійское—уже прямо не христіанское.

Не смотря на сближеніе положенія русскаго государя въ православной церкви съ таковымъ же положеніемъ византійскаго императора, при обзорѣ развитія организаціи русской православной церкви, проф. Суворовъ не могъ не поставить церковной реформы Петра В. въ связь съ Западомъ. Но утвержденіе относительно этой связи проф. Суворовъ пытается ослабить указаніемъ на вліяніе «древнерусской идеи». «Во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ Петръ В. исходилъ изъ идеи служенія государству, самое государство понимая въ духѣ естественнаго права и территоріальной теоріи. Не столько, впрочемъ, теоретическія идеи естественнаго права, не остававшіяся совершенно неизвѣстными въ Россіи и находившія даже ревностныхъ послѣдователей, какъ Татищевъ, сколько практическое знакомство съ колле-

---

[1]) *O. Gierke*.. Das deutsche Genossenschaftsrecht. B. III, 55. 113, 114, 128.

гіальными учрежденіями Швеціи, Даніи, Голландіи и проч., вмѣстѣ съ геніальнымъ прозрѣніемъ въ нужды Россіи и сознаніемъ необходимости удовлетворенія этихъ нуждъ, подвинули Петра на реформированіе и государственной, и церковной жизни, въ видахъ служенія государству, котораго самъ онъ былъ первымъ слугой. Но ни Петръ В., ни его преемники не забываютъ и древнерусской идеи служенія церкви и защиты ея, блюстительства вѣры, благочестія и церковнаго порядка, только эта идея въ западно-европейскомъ естественномъ правѣ почерпнула для себя ту энергію, которой ей не доставало въ московскомъ государствѣ, гдѣ государь дѣйствовалъ болѣе по обязанности, чѣмъ по праву» [1]).

Здѣсь обычная для проф. Суворова ясность стиля и опредѣленность мысли покидаютъ его. Вліяніе на церковную реформу Петра В. естественнаго права и территоріальной теоріи власти государя въ церкви не отрицается, но повидимому оно сводится лишь къ тому, что естественное право дало древнерусской идеѣ служенія государя церкви энергію, которой ей не доставало въ московскомъ государствѣ. Непосредственное идейное вліяніе естественнаго права и территоріальной теоріи признается лишь въ пониманіи Петромъ В. государства, но было ли такое же вліяніе на пониманіе имъ своего положенія въ церкви—объ этомъ не говорится. Нѣтъ достаточнаго отвѣта на этотъ вопросъ и въ положеніи, что реформированіе и государственной, и церковной жизни было предпринято въ видахъ служенія государству, такъ какъ наиболѣе важная сторона вопроса не въ томъ, въ какихъ интересахъ была проведена церковная реформа, а въ чемъ состояли ея основныя начала. Не ясно также сравненіе положенія государя въ церкви при Петрѣ и его преемникахъ съ положеніемъ государей московскихъ. Утверждается, что тѣ и другіе осуществляли одну и ту же идею служенія церкви; при Петрѣ эта идея почерпнула въ естественномъ правѣ ту энергію, какой ей не доставало въ московскомъ государствѣ, гдѣ государь дѣйствовалъ болѣе по обязанности чѣмъ по

[1]) Учебникъ, изд. 1908, стр. 94.

праву. Но не сказано, что когда эта идея почерпнула въ естественномъ правѣ недоставившую ей энергію, Петръ и его преемники стали дѣйствовать болѣе по праву чѣмъ по обязанности. Если это предполагается, то, очевидно, допускается, что измѣненіе произошло не только въ томъ, что прежняя идея получила больше энергіи, но и въ томъ, что она получила иное содержаніе.

Ближайшее разсмотрѣніе манифеста 25 января 1721 г. и составляющаго съ нимъ одинъ законодательный актъ Духовнаго Регламента приводитъ къ мысли, что въ ихъ содержаніи ничего древнерусскаго нѣтъ и что, наоборотъ, непосредственное вліяніе на ихъ содержаніе идей естественнаго права вполнѣ доказуемо.

Церковная реформа Петра В. была тѣсно связана съ его реформами въ государственной области не только по времени, но и логикой реформъ государственныхъ.

Исторія церковнаго строя даетъ достаточно основаній для наведенія, что церковный строй въ своихъ основныхъ элементахъ опредѣляется строемъ государственнымъ. Византинизмъ, феодализація католической церкви на Западѣ во время господа феодализма [1]), государственная церковность эпохи просвѣщеннаго абсолютизма— все это довольно надежныя данныя для гипотетическаго заключенія, что правовой строй церкви формируется по типу строя государственнаго. Не составляетъ отрицательной инстанціи для указаннаго наведенія и русская православная церковь. Если оставить въ сторонѣ древній періодъ нашей церковной исторіи, изъ котораго мы имѣемъ настолько бѣдный матеріалъ, что его скудость способна приводить историка въ отчаяніе [2]), и

---

[1]) При господствѣ феодализма функціи государственной власти связывались съ правомъ собственности на землю и разсматривались какъ accessorium этого права, точно такъ же въ церковномъ строѣ право собственности на церковь стало основаніемъ церковнаго устройства и управленія. Феодальный строй церкви, подробно изученный *проф. Штутцемъ*, названъ имъ Eigenkirchenwesen. См. Die Eigenkirche als Element mittelalterlichen germanischen Kirchenrechts, 1895. Geschichte des kirchlichen Benefizialwesens, 1895.

[2]) Академикъ *Е. Е. Голубинскій* во вступленіи къ своей Исторіи русской церкви (I т. I пол.) пишетъ: Наша церковная исторія не высока, т. е. ей суждено быть невысокой не отъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, на которыя бы мы имѣли право сѣтовать, а по нашей собственной винѣ, потому что мы не написали ее (прямо или косвенно) болѣе удовлетвори-

обратимся прямо къ московскому періоду, то увидимъ, что аналогичность церковнаго строя государственному сознавали даже современники. На соборѣ 1503 г. священникъ Георгій Скрипица говорилъ присутствовавшимъ іерархамъ: Господа священноначальницы,... назираете священниковъ по царскому чину земного царя: боляры и дворецкими, недѣльщики, тіуны и доводчики своихъ дѣля прибытковъ, а не по достоянію апостольскому. Этотъ протестъ русскаго идеалиста XVI в. показываетъ, что даже для немудренаго наблюдателя того невооруженнаго еще ни историческими, ни юридическими знаніями вѣка аналогичность церковнаго строя государственному рѣзко бросалась въ глаза. Изслѣдованіемъ проф. Н. Ѳ. Каптерева установлено, что въ нашемъ церковномъ строѣ московскаго періода съ поразительной точностью отражался государственный строй того времени. «Если мы взглянемъ на всю обстановку и лицъ, постоянно окружающихъ древнерусскаго архіерея, то увидимъ, что тогда архіерей, по внѣшней обстановкѣ своей жизни, болѣе походилъ на свѣтскаго князя, чѣмъ на архипастыря. Дворъ древнерусскаго архіерея, а въ особенности митрополита, а потомъ, патріарха, постоянно былъ наполненъ толпою свѣтскихъ людей. У московскаго митрополита и новгородскаго владыки, у каждаго, былъ свой полкъ. У архіереевъ были обширныя земельныя владѣнія, много крестьянъ, всевозможныя хозяйственныя и промышленныя заведенія и учрежденія. Свои земли архіереи раздавали въ пожизненное пользованіе разнымъ служилымъ лицамъ, которыя обязаны были, съ одной стороны, отбывать воинскую повинность, которая всегда лежала на архіерейскихъ земляхъ, съ другой—исполнять при архіереѣ тѣ или другія службы. А такъ какъ архіереи, особенно митрополиты, а потомъ патріархи были тогда не только богатыми землевладѣльцами, но имъ на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ принадлежала въ ихъ вла-

---

тельнымъ образомъ. Не написали мы ее болѣе удовлетворительнымъ образомъ потому, что были неспособны,... потому что въ нашемъ прошломъ,— грустный или негрустный, но дѣйствительный фактъ, — мы представляли изъ себя историческій народъ невысокаго достоинства. Стр. XVII—XVIII.

дѣніяхъ и власть административная, судебная и финансовая, и царскіе чиновники не имѣли даже права въѣзжать въ архіерейскія имѣнія, то архіереи должны были организовать у себя самостоятельное управленіе своими землями и крестьянами, благодаря чему у нихъ и явился многочисленный классъ свѣтскихъ чиновниковъ, завѣдывающихъ административнымъ, судебнымъ и финансовымъ управленіемъ архіерейскихъ земель [1]). Въ основѣ управленія лежалъ принципъ личнаго порученія. Уже наименованія архіерейскихъ чиновниковъ, одинаковыя съ наименованіями государственныхъ чиновниковъ, показываютъ, что функціи тѣхъ и другихъ были одинаковы. Если сюда прибавить, что тягло одинаково имѣло мѣсто въ церкви, какъ и въ государствѣ [2]), что при патріархахъ вполнѣ установился приказный строй управленія, то положеніе объ аналогичности церковнаго строя государственному въ Московской Руси можно считать достаточно обоснованнымъ.

Съ еще большею ясностью опредѣляющее вліяніе государственнаго строя на церковный наблюдается при Петрѣ В. Здѣсь мы имѣемъ предъ собой не медленную эволюцію, а преобразованіе, совершенное въ сравнительно короткій промежутокъ времени отдѣльными конкретными актами власти. Реформа Петра В. имѣла своей задачей превратить русское государство въ государство европейское. Въ Европѣ въ его время господствовалъ отчасти опиравшійся на идеи естественнаго права, отчасти самъ вліявшій на ихъ развитіе абсолютизмъ. Абсолютномонархическія государства ставили себѣ задачей не только охрану и развитіе права, но и непосредственное преслѣдованіе культурныхъ цѣлей вообще (просвѣщенный абсолютизмъ). При этомъ государственная власть совершенно устраняла иниціативу и самодѣятельность подвластныхъ. Она брала исключительно на себя заботу о просвѣщеніи, развитіи промышленности и торговлѣ, здоровьи населенія и т. д. Такимъ образомъ, вся ини-

---

[1]) Богословскій Вѣст. 1905. V, 49—50—Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси; см. также *Н. Ѳ. Каптеревъ.* Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. 1874.

[2]) Богословскій Вѣст., тамъ же, стр. 51 слѣд.

ціатива не только въ сферѣ государственной въ собственномъ смыслѣ, но и въ области духовной и матеріальной культуры была монополизирована въ пользу государственной власти; населеніе разсматривалось лишь какъ объектъ властвованія. Этотъ именно государственный строй и былъ перенесенъ къ намъ при Петрѣ В. Характерной чертой просвѣщеннаго абсолютизма въ его отношеніи къ религіи былъ узко-утилитарный взглядъ на нее, хотя въ этомъ случаѣ онъ примѣнялъ лишь ученіе представителей школы естественнаго права. Религія—это морализующее, воспитательное средство, весьма полезное дополненіе къ системѣ полицейскихъ мѣръ и уголовныхъ каръ. Государство не только пользуется религіей для достиженія своихъ цѣлей, но и приспособляетъ ее къ своимъ цѣлямъ. Если религія есть средство и объектъ государственнаго властвованія, то церковь и ея установленія должны быть всецѣло подчинены государственной власти, а еще лучше—просто обращены въ государственныя учрежденія, сдѣлаться частью государственной организаціи, церковное же управленіе войти какъ часть въ общее управленіе государственное, словомъ—церковные союзы должны стать частью полиціи благосостоянія.

Наиболѣе глубоко идущее и прочное вліяніе въ области церковной школа естественнаго права развила на лютеранской почвѣ, гдѣ она уже нашла исторически сложившійся порядокъ, по которому власть церковная съ властью государственной была объединена въ лицѣ ландесгерра. Сторонники естественнаго права подвели подъ существовавшій правовой порядокъ лишь новый теоретическій фундаментъ, выработавъ территоріалистическую теорію власти Landesherr'a въ Landeskirche. Территоріалистическая теорія перенесла положенія естественнаго права въ церковь, сдѣлала изъ нихъ принципы церковнаго права. Согласно ей, объединеніе государственой и церковной власти въ лицѣ государя не простой историческій фактъ, оно принципіально необходимо, такъ какъ церковная власть та же государственная, направленная лишь на извѣстные объекты государственнаго властвованія. Она принадлежитъ и не можетъ не при-

надлежать тому, кто обладаетъ государственною властью. И католицизмъ испыталъ на себѣ мощное вліяніе естественнаго права; наиболѣе яркими выраженіями этого вліянія были—галликанизмъ XVII и XVIII вв. во Франціи и іозефинизмъ въ Австріи. Но наличность высшей экстерриторіальной церковной власти въ лицѣ папы представляла серьезное препятствіе для укорененія этого вліянія. Разрушенный во время великой революціи галликанизмъ уже не могъ быть реставрированъ, а въ Австріи менѣе чѣмъ столѣтіе спустя послѣ Іосифа II католическая церковь не только освободилась отъ опеки государства, но и сама взяла государственную власть подъ опеку (конкордатъ 1855 г.). Въ протестантскихъ государствахъ Германіи порядокъ, созданный подъ вліяніемъ естественнаго права, дожилъ до второй половины XIX в. и не исчезъ еще совсѣмъ даже въ наши дни.

Петръ В., перенося къ намъ европейскій государственный строй въ формѣ просвѣщеннаго абсолютизма, съ логической необходимостью долженъ былъ провести и церковную реформу по принципамъ и въ духѣ этого строя. Этому не помѣшало то обстоятельство, что преобразователь имѣлъ дѣло не съ лютеранствомъ, а съ православіемъ. Симпатіи Петра В. къ Лютеру и его дѣлу, нерасположеніе къ старому русскому церковному строю, въ которомъ усматривался папизмъ, выборъ сотрудника для церковной реформы въ лицѣ Ѳ. Прокоповича, человѣка очень склоннаго къ протестантизму,—все это факты, хорошо извѣстные, чтобы останавливаться на нихъ; но необходимо указать, что это не было простой случайностью, а стояло въ тѣснѣйшей связи съ основными идеями реформаторской дѣятельности Петра. До настоящаго времени, насколько намъ извѣстно, не было сдѣлано попытки уяснить идейные источники петровской церковной реформы.

Манифестъ 25 января 1721 г. и соединенный съ нимъ Регламентъ или Уставъ Духовныя Коллегіи носитъ ярко выраженные слѣды зависимости отъ идей естественнаго права и въ частности отъ идей одного изъ самыхъ видныхъ представителей естественнаго права и территоріальной теоріи церковной власти государя—Самуила

Пуффендорфа.[1]) Внѣшнія данныя для предположенія зависимости отъ идей Пуффендорфа имѣются. Въ числѣ русскихъ переводовъ петровскаго времени былъ переводъ «Самуила Пуффендорфія о законахъ естества и народовъ книги 2, 3, 6 и 7» (De jure naturae et gentium libri VIII. 1672). Въ 1721 году царь въ бытность свою въ засѣданіи Синода велѣлъ перевести «на словянскій діалектъ» трудъ Пуффендорфа De officiis hominis et civis, для чего книга и была отослана въ типографскую контору. Что Петръ В. былъ знакомъ съ содержаніемъ трудовъ Пуффендорфа, видно изъ его собственноручнаго указа: «посылаю при семъ книгу Пуффендорфа, въ которой два трактата, первый—о должности человѣка и гражданина, другой—о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть»...[2]) Что касается Ѳеофана Прокоповича, то въ Духовномъ Регламентѣ онъ включилъ въ «чинъ ученія» домовъ училищныхъ «политику краткую Пуффендорфову»;[3]) Прокоповичъ получилъ свое образованіе на Западѣ; конечно вполнѣ вѣроятно, что ему были извѣстны сочиненія, знаніе которыхъ тогда было достояніемъ не только ученыхъ, но и вообще образованныхъ людей.[4])

---

[1]) *Проф. Суворов* не называетъ въ числѣ сторонниковъ территоріальной теоріи Пуффендорфа. Курсъ, т. I (1889): коллегіальная теорія отчасти намѣчена Пуффендорфомъ, стр. 110 пр. 9; Учебникъ (1908): религіозные союзы... Пуффендорфъ назвалъ коллегіями: отсюда названіе коллегіальной теоріи, стр. 63. Названіе религіозныхъ союзовъ коллегіями не характерно для коллегіальной теоріи: этимъ терминомъ пользовались и территоріалисты. Западные канонисты причисляютъ Пуффендорфа не къ коллегіалистамъ, а территоріалистамъ.

[2]) *Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., 1862, стр. 255, 213.

[3]) Политика краткая Пуффендорфова — De officiis hominis et civis— представляетъ сдѣланное самимъ авторомъ сокращенное изложеніе обширнаго и снабженнаго богатой ученой аргументаціей его же труда De jure naturae et gentium. Невѣроятно, чтобы Прокоповичъ рекомендовалъ въ качествѣ учебнаго руководства краткое изложеніе труда Пуффендорфа, не будучи знакомъ съ этимъ трудомъ.

[4]) Мысль о томъ, что петровская церковная реформа имѣетъ въ своихъ основахъ исключительно западно-европейскія идеи, категорически высказана проф. М. И. Горчаковымъ. По его словамъ, «перемѣна въ развитіи церковнаго законодательства (со времени Петра В.) воспослѣдовала вслѣдствіе новой такъ наз. территоріальной системы отношеній русскаго государства къ церкви. Эта система введена императоромъ Петромъ подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ его время на западѣ идей, нашедшихъ себѣ выра-

Манифестъ 25 января начинается такими словами: «между многими, по долгу богоданныя Намъ власти, попеченми о исправленіи народа Нашего, и прочихъ подданныхъ Намъ государствъ, несмотря и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти Нашей возымѣли Мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толикая отъ него получивъ благоспѣшества во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ Судія воспроситъ отъ Насъ отвѣтъ о толикомъ Намъ отъ Него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтни. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе объ исправленіи чина духовнаго,... уставляемъ Духовную Коллегію». Эти слова исключаютъ, какъ намъ кажется, мысль о томъ, что реформа предпринимается государемъ, какъ церковною властью. Государь законодательствуетъ въ церкви, какъ органъ власти государственной. Исправленіе чина духовнаго поставлено рядомъ съ исправленіемъ воинскаго чина и чина гражданскаго. Забота объ исправленіи духовнаго чина съ его нестроеніемъ и великой въ дѣлахъ скудостью представляется какъ одно изъ многихъ попеченій объ «исправленіи народа» и «прочихъ подданныхъ государствъ». Не измѣняютъ дѣла и религіозно-нравственные мотивы реформы. И протестантскіе ландесгерры, законодательствуя въ духѣ территоріальной теоріи, дѣйствовали въ качествѣ «христіанскихъ государей». Мало того, религіозно-нравственная мотивировка важнѣйшихъ актовъ власти для просвѣщеннаго абсолютизма была весьма распространеннымъ пріемомъ редактированія такихъ актовъ; этимъ пріемомъ имѣлось въ виду въ интересахъ авторитетности актовъ государственной власти использовать религіозно-

---

женіе въ устройствѣ протестантской церкви. Съ этими идеями Петръ познакомился изъ сочиненій Лейбница, Пуффендорфа, Томазія, а равно чрезъ различные доклады относительно устройства нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденій». См. Церковное право, литографированный курсъ лекцій. Спб. 1906, стр. 55.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

нравственную мотивацію поведенія подвластныхъ. Подчеркиваніемъ обязанности и отвѣтственности предъ сверхземной властью разсчитывали запечатлѣть идею неотвѣтственности и отсутствія обязанности предъ кѣмъ бы то ни было на землѣ. Во всякомъ случаѣ, ничего специфически древнерусскаго въ манифестѣ 25 января 1721 г., при всемъ желаніи, усмотрѣть нельзя. Указаніе на то, что «попеченіе объ исправленіи духовнаго чина» предпринято «образомъ (по примѣру) прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, благочестивыхъ царей», можно, пожалуй, признать навѣяннымъ однимъ мѣстомъ изъ De jure naturae et gentium. Въ VII кн. этого сочиненія Пуффендорфъ высказываетъ мысль, что нѣкоторая potestas circa sacra въ христіанскихъ государствахъ должна принадлежать государственной власти. Приведя нѣсколько мнѣній по этому вопросу, онъ пишетъ: Verissime autem sentiunt, qui et hanc potestatem summo imperanti adjudicant: quoniam sine ea civitas salva esse nequit, et ut bono viro, ita cum primis bono Principi incumbit curare, quantum fieri potest, ut suis etiam aeternum bene sit. In Hebraeorum regno pii reges Asa, Iosaphatus et Esechias eam curam, etiam collaudante Deo susceperunt et exercuerunt. Postea cum religioni christianae associarentur reges, hi regimen ejus, episcopis minime refragantibus, sibi vindicaverunt. De romanis imperatoribus testatur Socrates... ex quo illi christianismum profiteri ceperunt, res ecclesiae ab ipsis dependisse. Et verum dicit... Слѣдуютъ ссылки на книги о Константинѣ, а далѣе: De successoribus ejus codex Theodosianus et Justinianeus abunde loquuntur [1]).

Еще менѣе чѣмъ въ манифестѣ, можно видѣть проявленіе «древнерусской идеи» въ Духовномъ Регламентѣ, который весь проникнутъ отрицательнымъ, если не сказать—пренебрежительнымъ, отношеніемъ къ старому русскому церковному строю. Въ то же время въ Духовномъ Регламентѣ еще яснѣе сказалось вліяніе идей естественнаго права и названныхъ выше сочиненій Пуффендорфа. Можно утверждать, на нашъ взглядъ, не

[1]) Op. cit. lib. VII c. 4 § 11 n. 3.

только идейную, но даже литературную зависимость Ѳеофана Прокоповича отъ Пуффендорфа [1]).

Пуффендорфъ, какъ и другіе представители школы естественнаго права, держится того взгляда, что религія цѣнна для государства, какъ цивилизующая сила, что она должна стоять въ полной зависимости отъ государственной власти, такъ какъ въ противномъ случаѣ она можетъ оказаться силой противогосударственной, и что она должна стоять въ связи со школой. Ad internam, пишетъ онъ, civitatum tranquillitatem necessarium est, ut voluntates civium ita temperentur et dirigantur, prout saluti civitatis expedit. Inde summorum imperantium est, non solum idoneas ei fini leges praescribere; et publicam disciplinam ita sancire, ut non tam metu suppliciorum, quam assuetudine cives ad legum praescripta sese componant. Quippe cum solae poenae non tam ingenerent curam bene faciendi (hoc quippe est opus rationis et disciplinae), quam solicitudinem, ne quis in maleficio deprehendatur... Ut autem isthoc obtineatur, in Rebuspublicis christianis plurimum confert ipsa religio christiana sincera illa, et ab humanis commentis purgata, per pios et cordatos ministros doctrina et exemplo inculcata; quippe quae praeter dogmata ad salutem aeternam facientia continet perfectissima praecepta moralia, queis cumprimis ad bene tolerandam vitam civilem animi mortalium disponuntur. Quam ob causam in omnibus, quas novimus, civitatibus christianis pars paraenetica juris naturalis ministris ecclesiae exercenda est commissa; cujus tamen pars dogmatica ad illos proprie pertinet, qui ei disciplinae peculiariter addicti sunt... Plurimum quoque momenti huc afferunt scholae publicae, siquidem in illis doceantur non inanes nugae, et male feriatorum hominum commenta, regni tenebrarum reliquiae, sed solidae litterae atque scientiae, quarum usus sese per vitam humanam et civilem dispenset. Inter quas praecipua est, quae de jure summorum imperantium, et eidem respondente civium obligatione solide docet... Haec

---

[1]) Болѣе всего замѣтно вліяніе VII книги De jure naturae et gentium, переведенной, какъ мы видѣли, въ числѣ четырехъ изъ восьми книгъ, на которыя дѣлится весь трудъ.

igitur omnia ut in civitate recte se habeant, summorum imperantium est providere [1]).

При внимательномъ разсмотрѣніи плана Духовнаго Регламента нельзя не видѣть, что Ѳ. Прокоповичъ писалъ какъ бы по заданію Пуффендорфа о religio christiana, ab humanis commentis purgata, ministri boni et cordati, praecepta moralia и scholae publicae.

Среди наукъ особо важное значеніе Пуффендорфъ придаетъ той, которая учитъ о правахъ высшихъ правителей и о соотвѣтствующихъ этимъ правамъ обязанностяхъ гражданъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ неоднократно вдохновляется этой мыслью, давъ ей особый оттѣнокъ. «Разсуждая дѣла, которыя въ Духовномъ Коллегіумѣ имѣютъ управлятися», онъ относитъ къ нимъ также наблюденіе, «аще довольное христіаномъ наставленіе употребляется». Между прочимъ пишетъ: «простому народу внушать часто подобаетъ то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому собственно по своему званію должное». Онъ проектируетъ «сочинить три книжицы небольшія: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашея, такожъ и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ. Вторую о собственныхъ всякаго чина должностяхъ. Третью таковую, въ которой собранныя будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ наипаче и о грѣхахъ и о добродѣтеляхъ, и собственно о должностяхъ всякаго чина». Эти книжицы должны читаться за праздничнымъ богослуженіемъ. Проповѣдникамъ Слова Божія ставится въ обязанность: «проповѣдали бы твердо, съ доводовъ Священнаго Писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина».

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ у Пуффендорфа: Quia etiam sanitas ac firmitas interna civitatum ex unione civium provenit, quae quo accuratior fuerit, eo majori cum efficacia vis imperii per universum sese corpus civitatis dispensat: igitur summis imperantibus incumbit pro-

[1]) Op. cit. lib. VII c. 9 § 4; ср. De officiis lib. II c. 11 § 4.

providere, ne in civitate factiones oriantur; ex quibus facilis in seditiones et bellum civile est prolapsus, quod tanto deterius est bello quod concorditer adversus exteros geritur, quanto bellum deterius est pace... Neve quidam cives inter se peculiaribus pactis connectantur. Neve omnes aut aliqui ab ullo alio, sive intra sive extra civitatem constituto, sua quocunque obtentu, sacro aut profano, magis dependeant, quam a legitimo suo principe, et in nemine plus sibi praesidii repositum arbitrentur [1]).

Мало сказать, что весь п. 7 ч. I Духовнаго Регламента есть развитіе приведенной выписки. Сама собой напрашивается мысль, что при написаніи этого пункта на письменномъ столѣ Прокоповича лежала книга Пуффендорфа, открытая на указанномъ мѣстѣ. Чтобы не приводить извѣстнаго обширнаго п. 7 ч. I, ограничусь здѣсь лишь тѣми мѣстами изъ него, которыя и по мысли, и по изложенію совпадаютъ съ соотвѣтствующими частями нашей выписки... Велико и се, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный или больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство... А когда видитъ народъ, что соборное сіе правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ установленно есть, то паче пребудетъ въ кротости своей и весьма отложитъ надежду имѣти помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго.

Можно указать и еще мѣста Духовнаго Регламента, заимствованныя изъ Пуффендорфа.

Certius praesumuntur judicare plures selecti, quam unus. De jure naturae... lib. VII c. 6 § 12.

Извѣстнѣе истина взыскуется соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ. Дух. Регл., ч. I, п. I.

---

[1]) De jure naturae... l. VII c. 9 § 12; ср De officiis lib. II c. 11 § 12.

Замѣна слова plures словами «соборное сословіе» еще болѣе убѣждаетъ въ заимствованіи этого мѣста у Пуффендорфа. Въ цитированномъ мѣстѣ говорится объ ограниченной собраніями сословій монархіи, ut (rex) circa certos actus exercendos *consilium ordinum* consulat, citra quorum consensum decreta regis nihil sint valitura... Neque indignum judicabit rex, si quaedam proposita ordines non admittant. Nam utique promisit, sese ob oculos semper habiturum utilitatem reipublicae, de qua *certius praesumuntur judicare plures selecti, quam unus*. Соборъ сословій примѣнительно къ цѣли Ѳ. Прокоповича обратился въ соборное сословіе.

Весьма интересно также аналогичное использованіе мѣста, заимствованнаго изъ того же источника.

Per,.. senatum, praesertim, ubi regi sit potestas eundem iterum dissolvendi, imperium absolutum esse non desinit. Id enim non in eo consistit, ut rex coeca ex libidine, aut inconsulto animi impetu, sed ut demum ex proprio judicio de negotiis rempublicam spectantibus decernat; cui hautquidquam repugnat necessitas sanas rationes audiendi. De jure naturae lib. VII c. 6 § 12 ср. Ibid. § 9: unius hominis judicium in dispiciendo eo, quod saluti publicae expedit, facile decipi potest, neque omnibus ea sit animi firmitas, ut in tanta libertate libidines rationi obluctantes compescere norint.

Яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи большая здѣ есть, понеже вящще ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ. Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ, обаче совѣтниковъ своихъ имѣютъ, не токмо ради лучшаго истины взысканія, но дабы не клеветали непокоривые человѣцы, что се или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ Монархъ. Дух. Регл., ч. I, п. 2.

Въ приведенной конфронтаціи, какъ намъ кажется, обнаруживается характерная черта работы Прокоповича: даже для построенія собственной мысли онъ пользуется элементами, взятыми у Пуффендорфа. Пуффендорфъ разсуждаетъ о томъ, что совѣщательный органъ при абсо-

лютномъ монархѣ не измѣняетъ характера его власти, такъ какъ абсолютная власть монарха состоитъ въ томъ, что онъ въ своей государственной дѣятельности руководится только собственнымъ рѣшеніемъ, но не въ томъ, что онъ свободенъ отъ разумнаго мотивированія своего рѣшенія или можетъ руководиться какими угодно мотивами, хотя бы страстями. Автору Дух. Регламента надо обосновать мысль о полезности совѣщательнаго органа (совѣтниковъ) при самодержавномъ монархѣ. Онъ беретъ послѣднюю мысль Пуффендорфа съ коэффиціентомъ клеветы на монарховъ (клевета, что «се или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ монархъ») и соотвѣтственно съ этимъ построяетъ дальнѣйшее разсужденіе: монархи имѣютъ совѣтниковъ, «дабы не клеветали непокоривые человѣцы», а отсюда и «большая сила» «во опредѣленіи дѣла» одно изъ основаній установленія Духовной Коллегіи.

Приведенныхъ указаній, думается, достаточно для установленія факта большой зависимости Дух. Регламента отъ сочиненій Пуффендорфа. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ ярко выраженный раціоналистическій характеръ всего содержанія Регламента и, въ частности, наиболѣе важной для нашего вопроса первой его части. Отмѣченное обстоятельство имѣетъ важное значеніе не только для исторіи происхожденія Д. Регламента, но и для толкованія его текста, особенно его первой части.

Слѣдуетъ отмѣтить три основныхъ юридическихъ положенія законодательнаго акта 25 января 1721 г., т. е. манифеста и Дух. Регламента: 1) духовныя нужды и управленіе оныхъ, духовный чинъ, такъ же какъ и чинъ воинскій и гражданскій, составляютъ объектъ властнаго попеченія монарха; монархъ какъ христіанскій государь, т. е. государь христіанинъ, имѣетъ попеченіе объ исправленіи духовнаго чина; 2) монархъ своей волей (повелѣніемъ), «монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ» учреждаетъ установленіе, вѣдающее управленіемъ духовнаго чина (духовныхъ нуждъ); 3) монархъ осуществляетъ свое властное попеченіе о церкви, какъ власть государственная, съ сенатомъ.

Является ли Духовная Коллегія церковнымъ установленіемъ подъ властью монарха или государственнымъ установленіемъ для дѣлъ церковныхъ—текстомъ законодательнаго памятника не рѣшается. Нѣкоторымъ основаніемъ для признанія Духовной Коллегіи учрежденіемъ церковнымъ могло бы служить слѣдующее мѣсто Регламента: «Таковые различные коллегіи, по различію дѣлъ и нуждъ государственныхъ, Державный Царь Всероссійскій Петръ Первый премудрѣ на пользу отечества державы своея уставилъ въ лѣто 1718. А яко христіанскій государь, правовѣрія же и всякаго въ церкви святѣй благочинія блюститель, посмотрѣвъ и на духовныя нужды, благоволилъ уставити и Духовное Коллегіумъ, которое бы прилежно и непрестанно наблюдало, еже на пользу церкви, да вся по чину бываютъ, и да не будетъ нестроенія, еже есть желаніе апостола, или паче Самого Бога благоволеніе» (введ. ч. I). Нужды государственныя и польза отечества противопоставляются нуждамъ духовнымъ и пользѣ церкви. Но въ другихъ мѣстахъ можно видѣть основанія для признанія Духовной Коллегіи учрежденіемъ государственнымъ. Таковы—п. 3 ч. I: «се же наипаче сильно есть, когда коллегіумъ правительское подъ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха уставленно. Явѣ бо здѣ, что коллегіумъ не есть нѣкая факція тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее, повелѣніемъ самодержца и его же съ прочіими разсмотрѣніемъ собранныя лица»; п. 7, ч. I: «соборное сіе правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ уставлено есть». Такимъ образомъ цѣлью Духовной Коллегіи ставится «*добро общее*» (bonum commune), характерное для естественнаго права опредѣленіе задачи государства; Коллегія учреждена монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, личный составъ ея опредѣляется повелѣніемъ самодержца и его же *съ прочіими* разсмотрѣніемъ.

Въ заключеніи рѣчи о Духовномъ Регламентѣ остановимся на томъ его мѣстѣ, гдѣ государь называется блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ церкви святѣй благочинія. Этому мѣсту придается весьма важное значеніе. Проф. Суворовъ видитъ въ именованіи импера-

тора «блюстителемъ» титулъ, который перешелъ въ Россію изъ Византіи, гдѣ идея блюстительства выражалась въ названіи царя епистимонархомъ. Уже само по себѣ взятое, это утвержденіе способно возбуждать сомнѣніе: на какомъ основаніи именованіе императора блюстителемъ правовѣрія и проч. считается титуломъ? Ни въ одинъ изъ титуловъ русскаго императора это именованіе не включается. Можетъ быть это былъ титулъ византійскаго императора? Но проф. Суворовъ не рѣшается говорить о титулѣ византійскаго императора, говоритъ лишь о названіи его епистимонархомъ, въ чемъ, по его мнѣнію, выражалась *лишь идея* блюстительства. Итакъ, «титулъ блюстителя не въ Россіи сочиненъ, а перешелъ изъ Византіи», а въ Византіи такого титула не было, было лишь названіе императора епистимонархомъ, и въ этомъ названіи выражалась только идея блюстительства. По объясненію проф. Суворова, въ XII в. сдѣлалось обычнымъ названіе императора епистимонархомъ (ἐπιστημονάρχης). Филологически этотъ терминъ означаетъ начальствующаго надъ науками (?) или надъ научными занятіями и знаніями (?). Юстиніанъ требовалъ (нов. CXXIII гл. 34) отъ монастырскихъ настоятелей, чтобы они знали науку монашескую (τὴν μοναχῶν ἐπιστήμην), т. е. монашескую дисциплину. Позднѣе епистимонархомъ сталъ называться особый монастырскій надзиратель—будильщикъ, который ночью будилъ всю братью, начиная съ настоятеля, къ утреннему богослуженію, а во время богослуженія обходилъ кельи, чтобы спящихъ по лѣности монаховъ привести въ церковь, днемъ же слѣдилъ за тѣмъ, не сошлись ли монахи безъ всякой причины для праздныхъ словъ и бездѣльничанья, вразумлялъ и напоминалъ имъ объ ихъ обязанностяхъ. Изъ монастырской жизни названіе епистимонарха было перенесено на императора въ отношеніи его не къ монастырямъ, а къ цѣлой церкви вообще» [1]). Первое значеніе термина въ изложеніи проф. Суворова темно: трудно понять, въ чемъ состоитъ начальствованіе надъ науками, еще менѣе вразумительно начальствованіе надъ

[1]) Учебникъ, изд. 1908, стр. 425.

науками, еще менѣе вразумительно начальствованіе надъ знаніями. Вполнѣ опредѣленныя представленія о должностныхъ функціяхъ соединялись съ названіемъ: епистимонархъ въ монастыряхъ. Именованіе византійскаго императора епистимонархомъ, очевидно, было названіемъ по уподобленію, какъ, напр., архіереевъ и священниковъ называютъ пастырями (пастухами), а подчиненныхъ ихъ руководству паствою (стадомъ). Но еще средневѣковые ученые предупреждали противъ заключенія изъ названія по уподобленію къ существу того, что названо какимъ-либо именемъ по уподобленію. Далѣе, хотя въ приведенной выпискѣ есть ссылка на законодательство—нов. CXXIII—по второстепенной подробности, по главному вопросу никакихъ ссылокъ нѣтъ, и остается невыясненнымъ, было ли названіе византійскаго императора епистимонархомъ обычнымъ для законодательныхъ актовъ, или оно было лишь однимъ изъ многихъ названій по уподобленію, которыя остаются чуждыми языку законодательства, въ родѣ нашего «царь-батюшка». Вся эта громоздкая аргументація съ «епистимонархомъ», во всякомъ случаѣ, не свидѣтельствуетъ о богатствѣ аргументовъ въ пользу юридическаго тождества положенія въ церкви императора византійскаго и русскаго. А между тѣмъ названіе русскаго императора блюстителемъ правовѣрія и проч. съ полной вѣроятностью можетъ быть разсматриваемо какъ заимствованіе съ запада. Слово: блюститель можно считать точнымъ переводомъ custos [1]). Извѣстно, что реформаторы, признавая въ государѣ custos utriusque tabulae, сдѣлали это положеніе исходнымъ пунктомъ обоснованія церковной власти ландесгерра. Такое объясненіе происхожденія въ нашемъ законодательствѣ слова: блюститель ничего непріемлемаго не представляетъ. Ѳеофану Прокоповичу термины: custos и custodia въ примѣненіи къ государю могли или даже должны были быть извѣстны по его занятіямъ на западѣ, но возможно, что ему

[1]) По взгляду *проф. М. И Горчакова*, высказанному въ его критической статьѣ на «письмо проф. Трейчке», въ словахъ блюститель правовѣрія отражается понятіе Schirmherr der Reinheit der Lehre. Сборникъ государств. знаній, т. II.

совсѣмъ не былъ извѣстенъ терминъ: епистимонархъ. Затѣмъ, едва ли мысль автора Д. Регламента соединяла со словомъ: блюститель какое-либо представленіе, взятое изъ Византіи, да еще «нижае іустиніановыхъ временъ»; византійскіе порядки послѣ Юстиніана представлялись ему безпорядками, а о писателяхъ «отъ пятисотнаго до четыренадесятьсотнаго году» онъ выражается съ ироніей: «остроуміе видимъ великое, а свѣта великого не видимъ».

II.

Законодательный актъ 25 января 1721 г. легъ въ основаніе «законовъ о вѣрѣ» при составленіи Свода Законовъ. Исключительно на немъ основана важнѣйшая для нашего вопроса ст. 43 (Св. Зак., т. I, часть I, изд. 1832 г.), на что указываетъ единственная подстатейная ссылка, цитирующая Манифестъ 25 янв. 1721 г. и соединенный съ нимъ Дух. Регламентъ (П. С. З. № 3718); точно указано и самое мѣсто изъ Д. Регламента—введ., ч. I, п. 3. Хотя этотъ пунктъ и приводился ранѣе, для наглядности сопоставленія его со ст. 43, приведемъ его текстъ здѣсь. «Се же наипаче сильно есть, когда коллегіумъ правительское подъ Державнымъ Монархомъ есть и отъ Монарха уставленно. Явѣ бо здѣ, что коллегіумъ не есть нѣкая факція на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее, повелѣніемъ Самодержца и его же съ протчіими разсмотрѣніемъ, собранныя лица». Ст. 43: «Въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго». При сопоставленіи ст. 43 и приведеннаго мѣста изъ Дух. Регламента прежде всего бросается въ глаза несоотвѣтствіе ихъ содержанія: мысли, которая выражена въ ст. 43, совсѣмъ нѣтъ въ цитированномъ мѣстѣ Д. Регламента. Мало того, нѣтъ соотвѣтствія и въ общемъ юридическомъ характерѣ ихъ. Въ 3 п. I ч. введ. Регламента вообще, in abstracto, указывается на преимущество коллегіума правительскаго предъ единоличнымъ правителемъ; слово: коллегіумъ пишется съ малой буквы, тогда

какъ Духовное Коллегіумъ—съ большой. Послѣднее состоятельство не столь существенно: указанные Дух. Регламентомъ признаки коллегіи путемъ совершенно правильнаго толкованія могутъ быть отнесены и къ Духовному Коллегіуму. Но весьма существенное значеніе имѣетъ то, что содержаніе ст. 43 не покрывается цитированнымъ мѣстомъ изъ Регламента; только послѣдняя мысль этой статьи, заключающаяся въ двухъ послѣднихъ словахъ и состоящая въ томъ, что Святѣйшій Синодъ учрежденъ самодержавной властью, имѣетъ соотвѣтствующую себѣ мысль въ Регламентѣ: «коллегіумъ правительское... отъ Монарха уставлено». Все же остальное содержаніе статьи не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго въ томъ мѣстѣ, на которое сослался составитель Свода. Такимъ образомъ, главная часть содержанія ст. 43 является не повтореніемъ положенія, заключавшагося въ прежнихъ законодательныхъ актахъ, а выраженіемъ пониманія составителемъ Свода принципа или духа русскаго законодательства вообще и по предмету содержанія разсматриваемой статьи въ частности. Поэтому необходимо уяснить смыслъ и значеніе, какіе имѣлось въ виду придать этой статьѣ при ея составленіи.

Для такого уясненія мы имѣемъ весьма цѣнный матеріалъ въ «Руководствѣ къ познанію законовъ, соч. графа Сперанскаго» СПБ. 1845. Графъ Сперанскій, по окончаніи своихъ юридическихъ бесѣдъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1837 г., желалъ и даже имѣлъ Высочайшее порученіе составить вообще для юношества краткое руководство къ познанію отечественныхъ законовъ. Начало этой работы, исполненное въ 1838 г., и составляетъ названная книга [1]). Она цѣнна въ томъ отношеніи, что собственными словами составителя Свода Законовъ раскрываетъ систему, основныя начала и терминологію послѣдняго. По мысли графа Сперанскаго, предметъ основныхъ законовъ, къ которымъ въ Сводѣ отнесены и законы о вѣрѣ, составляетъ порядокъ, коимъ дѣйствуетъ власть законодательная и власть верховнаго правленія на подданныхъ [2]), или другими сло-

[1]) Руководство, предисл.
[2]) Тамъ же, стр. 42, § 86

вами, основные законы изображаютъ порядокъ, коимъ верховная власть дѣйствуетъ въ законодательствѣ и въ правленіи [1]). Власть законодательная и власть верховнаго правленія всегда соединены неразрывно. Двѣ сіи власти, совокупно взятыя, именуются державою или властью державною (souveraineté, pouvoir souvairain) [2]). Порядокъ верховнаго правленія объемлетъ два главные предмета: править установленіями и править силами правительства [3]). Верховная власть правитъ установленіями: 1) содержа составъ ихъ въ надлежащей полнотѣ, порядкѣ и дѣйствіи сообразно ихъ учрежденіямъ; 2) разрѣшая случаи, превышающіе власть имъ ввѣренную, или вновь возникающіе. Она правитъ силами правительства, содержа ихъ въ надлежащемъ устройствѣ, раздѣляя ихъ дѣйствія и охраняя уставы и ихъ учрежденія [4]). Власть верховнаго правленія не можетъ всѣмъ управлять непосредственно; ей нужны органы; сіи органы суть установленія [5]). Отъ верховнаго правленія различается собственно такъ называемое управленіе (administration). Власть верховная правитъ (gouverne) установленіями, *ею учрежденными*; а установленія управляютъ (administrent) дѣлами, имъ ввѣренными, по уставамъ ихъ и учрежденіямъ. Повелѣнія мѣстъ и лицъ управляющихъ исходятъ въ видѣ опредѣленій, предписаній, приказовъ или указовъ; но всегда не иначе, какъ въ предѣлахъ того уполномочія, какое дано имъ отъ верховной власти [6]).

Приведенныя изъ книги гр. Сперанскаго мѣста даютъ ключъ къ пониманію ст. 43. Самодержавная власть не дѣйствуетъ въ церковномъ управленіи непосредственно; для этого ей нуженъ особый органъ, установленіе, ею учрежденное; такимъ органомъ для церковныхъ дѣлъ является Святѣйшій Синодъ. Опредѣленія, предписанія, приказы и указы Св. Синода должны быть въ предѣлахъ того уполномочія, какое дано ему отъ

---

1) Тамъ же, стр. 48, § 94.
2) Тамъ же, стр. 94, § 145, 146.
3) Подъ силами правительства разумѣются финансы, войско и т. п.
4) Тамъ же, стр. 89, § 139.
5) Тамъ же, стр. 42—43, § 87.
6) Тамъ же, стр. 90—91, §§ 140—141.

верховной власти. Права на законодательство и на верховное правленіе въ церкви Синоду не принадлежитъ. Характерно, что при редактированіи ст. 43 гр. Сперанскій не употреблялъ выраженія Д. Регламента объ учрежденіи Духовной Коллегіи (отъ монарха уставленно), а замѣнилъ его своимъ (ею учрежденнаго), которое онъ прилагаетъ ко всѣмъ государственнымъ установленіямъ или органамъ. Такимъ образомъ, ст. 43 говоритъ не болѣе того, какъ если было бы сказано: въ управленіи военномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ министерства военнаго, ею учрежденнаго.

Въ той же книгѣ гр. Сперанскаго о Синодѣ говорится подъ общимъ заглавіемъ: «Высшія государственныя установленія», къ которымъ причисляется и Синодъ, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ или поясненій, при чемъ ему отводится третье мѣсто послѣ: 1) Государственнаго Совѣта и 2) Сената, но выше 4) министерствъ [1]). По тѣмъ же рубрикамъ, какъ и относительно другихъ высшихъ государственныхъ установленій, разсматриваются—составъ и пространство власти Синода («власть равна Сенату», т. е. равна власти Сената), предметы его вѣдомства и порядокъ производства дѣлъ. Относительно предметовъ вѣдомства Св. Синода говорится: «предметы вѣдомства: 1) вообще дѣла церковнаго управленія въ высшемъ ихъ отношеніи—избраніе архіереевъ, опредѣленіе архимандритовъ и игуменовъ, 2) законы, судъ и благочиніе—часть судная въ преступленіи должностей, дѣла бракоразводныя, духовная цензура, 3) обученіе—вѣдомство духовныхъ училищъ» [2]). Въ этомъ перечнѣ не должно смущать слово: законы, такъ какъ и къ предметамъ вѣдомства каждаго изъ министерствъ, по Сперанскому, относятся, между прочимъ, законы—«въ отношеніи къ исполненію ихъ» [3]).

Итакъ, по мысли составителя Свода Законовъ гр. Сперанскаго, Святѣйшій Правительствующій Синодъ есть органъ верховной государственной власти, высшее

---

[1]) Тамъ же, стр. 132 — 150, §§ 187 — 210, особенно стр. 140 — 141, §§ 196—198.
[2]) Тамъ же, стр. 141, § 197.
[3]) Тамъ же, стр. 145, § 201.

государственное установленіе, которому принадлежитъ лишь «управленіе» церковное (administration). Высшей властью въ церкви является самодержавный государь. «Самодержавіе, когда оно прилагается къ особѣ государя, означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія» [1]); въ силу неограниченности власти государя «никакая другая власть на земли, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи, не можетъ положить предѣловъ верховной власти» его [2]). «Законы получаютъ силу свою отъ верховной власти всегда непосредственно, какую бы форму они не имѣли» [3]). Изъ этихъ положеній никакихъ исключеній въ пользу самостоятельной и непроизводной власти церковной нѣтъ. Дѣйствуя въ порядкѣ верховнаго правленія, государь правитъ (gouverne) церковью—содержитъ составъ Синода въ надлежащей полнотѣ, порядкѣ и дѣйствіи сообразно закону и разрѣшаетъ случаи, превышающіе власть, ввѣренную Синоду, или вновь возникающіе. Синодъ лишь управляетъ (administre) церковными дѣлами, являясь органомъ государя. Таковы смыслъ и значеніе ст. 43: въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ею учрежденнаго.

Намъ остается разсмотрѣть ст.ст. 41 и 42 (Св. Зак. т. I, ч. I, изд. 1832 г.).

Ст. 42: Императоръ, яко христіанскій государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія. Въ подстатейной ссылкѣ и къ этой статьѣ указывается тотъ же законодательный актъ 25 января 1721 г., частнѣе—ч. I Дух. Регламента. Сюда должны быть отнесены слѣдующія слова изъ Регламента: «а яко христіанскій государь, правовѣрія же и всякаго въ церкви святѣй благочинія блюститель, ...благоволилъ уставити... Духовное Коллегіумъ». Кромѣ ссылки на законодательный актъ 25 января 1721 г.,

[1]) Тамъ же, стр. 50, § 97.
[2]) Тамъ же, стр. 56, § 101.
[3]) Тамъ же, стр. 84, § 132.

другихъ ссылокъ подъ ст. 42 не имѣется. Такимъ образомъ, и по отношенію къ этой статьѣ должно констатировать, что содержаніе ея не покрывается тѣмъ мѣстомъ Регламента, на которое сдѣлана ссылка. И здѣсь составитель Свода отступилъ отъ принятаго имъ правила, о которомъ мы узнаемъ изъ Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. Спб. 1837. Указавъ какъ на образецъ на «сводъ юстиніановъ», авторъ приводитъ принятыя въ руководство при составленіи нашего Свода «правила Бакона», изъ которыхъ одно заключается въ слѣдующемъ: Сохранить слова закона, извлекая статьи свода изъ самаго ихъ текста, хотя бы то было самыми мелкими и дробными частями (per centones); потомъ сіи мелкія части связать и соединить по порядку: ибо въ законѣ не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность, драгоцѣнны. Безъ сего сводъ былъ бы книгою учебною или ученою, а не составомъ законовъ положительныхъ. Правило сіе положено принять въ слѣдущемъ смыслѣ: 1) «тѣ статьи Свода, кои основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ или постановленіи, излагать тѣми самыми словами, какія стоятъ въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія; 2) тѣ статьи, кои составлены изъ двухъ или болѣе указовъ, излагать словами указа главнаго, съ присоединеніемъ изъ другихъ тѣхъ словъ, кои служатъ ему дополненіемъ или поясненіемъ; 3) статьи, составленныя изъ соображеній многихъ указовъ, излагать по тому смыслу, какой они представляютъ въ ихъ совокупности, и при томъ 4) подъ каждою статьей означать съ точностію тѣ указы и постановленія, изъ коихъ она составлена» [1]).

Правда, часть статьи 42 изложена тѣми самыми словами, какія стоятъ въ текстѣ Дух. Регламента, но въ остальной части статьи прибавлены и другія слова, какія тамъ не стоятъ. Это, повидимому, объясняется вполнѣ тѣмъ своеобразнымъ замѣчаніемъ, какое сдѣлано къ статьѣ 42 послѣ подстатейной ссылки: «въ семъ смыслѣ Императоръ, въ актѣ о наслѣдіи престола 1797 г. апр. 5 (17910) именуется Главою Церкви». Относящееся сюда

[1]) Обозрѣніе, стр. 105—107.

мѣсто въ актѣ о наслѣдіи престола изложено такъ: «когда наслѣдство дойдетъ до такого поколѣнія женскаго, которое царствуетъ уже на другомъ престолѣ, тогда наслѣдующему лицу предоставляется избрать вѣру и престолъ, и отрещись вмѣстѣ съ наслѣдникомъ отъ другой вѣры и престола, если таковый престолъ связанъ съ закономъ для того, что государи россійскіе суть главою церкви; когда же отрицанія отъ вѣры не будетъ, то наслѣдуетъ то лице, которое за симъ будетъ по порядку». Выраженіе: «глава церкви» въ положительномъ правѣ мы встрѣчаемъ въ церкви католической въ примѣненіи къ папѣ, въ англійской церкви—къ королю, а по примѣру Англіи въ скандинавскихъ государствахъ и Даніи также въ примѣненіи къ королямъ. Ясное дѣло, что выраженіе: «глава церкви» въ актѣ о наслѣдіи престола заимствовано изъ языка чуждаго законодательства, такъ какъ едва ли до 1797 г. можно указать хотя бы одинъ актъ, въ которомъ русскіе императоры или императрицы именовали себя главою русской церкви. Употребленіе этого выраженія въ актѣ о наслѣдіи престола объясняется, повидимому, стремленіемъ законодателя привести наиболѣе вѣское основаніе исключенія отъ наслѣдія престола членовъ женскаго поколѣнія, не исповѣдующихъ православной вѣры; имѣлось въ виду указать, что наслѣдіе русскаго престола неправославнымъ стоитъ въ противорѣчіи съ положеніемъ русскаго государя въ православной церкви. Но эта мысль въ виду стремленія законодателя высказать ее съ наибольшею категоричностью была выражена съ употребленіемъ понятія и термина, чуждыхъ нашему праву и законодательству. Нельзя, конечно, слова: «для того, что государи россійскіе суть главою церкви» объяснять въ томъ смыслѣ, что законодатель измѣнилъ положеніе государя въ русской православной церкви. Такая воля законодателя въ актѣ 5 апр. 1797 г. ничѣмъ не доказуема, наоборотъ, весьма ясно выражено желаніе обосновать устраненіе лицъ неправославной вѣры отъ наслѣдія русскаго престола существующимъ въ законѣ положеніемъ.

Составитель Свода, какъ кажется, чувствовалъ большое затрудненіе съ этимъ lapsus calami законодателя.

Это видно изъ редакціи ст. 13 Основн. зак. (Св. Зак. т. I, ч. I, изд. 1832 г.). Ст. 13 съ буквальной точностью воспроизводитъ приведенную выше выписку изъ акта 5 апр. 1797 г., но послѣ словъ: «если таковой престолъ связанъ съ закономъ» выпущены слова: «для того, что государи россійскіе суть главою церкви». Пропускъ этихъ словъ не можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что они выпущены какъ не относящіяся къ велѣнію закона, а лишь обосновывающія его, такъ какъ гр. Сперанскій при составленіи Свода не руководился такимъ правиломъ. Въ разсматриваемой теперь ст. 42 слова: «яко христіанскій государь» также представляютъ обоснованіе положенія закона, однако не пропущены. Такимъ образомъ включеніе въ текстъ закона словъ, именующихъ россійскихъ государей главою церкви признавалось невозможнымъ или во всякомъ случаѣ неудобнымъ. Составителю Свода Законовъ и здѣсь пришлось отступить отъ правила, о которомъ говорилось выше: въ текстѣ законодательнаго акта, откуда взята ст. 13, стоятъ тѣ же слова, что и въ послѣдней, но тамъ же стоятъ и другія слова, которыя пропущены въ ст. 13.

Ст. 42, не вполнѣ совпадающая съ тѣмъ мѣстомъ Дух. Регламента, на которое указано составителемъ Свода Законовъ, является попыткой истолковать выраженіе акта 5 апр. 1797 г.: «россійскіе государи суть главою церкви». Ему дано рестриктивное толкованіе отчасти словами закона, именно Д. Регламента, а отчасти словами, принадлежащими составителю Свода. Но эта работа произведена далеко не образцово. Во-первыхъ, хотя именованіе императора главою церкви перешло въ Сводъ, однако ему отведено мѣсто лишь среди подстатейныхъ ссылокъ, такъ что остается неяснымъ, усвояется ли Сводомъ императору это именованіе или нѣтъ. Во-вторыхъ, комментарій къ именованію императора главою церкви, заключающійся въ текстѣ ст. 42, носитъ на себѣ весьма замѣтный слѣдъ неискусной спайки разнороднаго матеріала: словъ законодательнаго акта и собственныхъ словъ составителя Свода, причемъ послѣднія механически вставлены въ выраженіе, заимствованное изъ Дух. Регламента. Для наглядности сопо-

ставленія приводимъ ихъ en regard, отмѣтивъ вставку гр. Сперанскаго курсивомъ.

Дух. Регламентъ.	Ст. 42.
...яко христіанскій государь, правовѣрія же и всякаго въ церкви святѣй благочинія блюститель... благоволилъ уставити ...Духовное Коллегіумъ.	Императоръ, яко христіанскій государь, *есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры,* и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія.

Мысль автора Дух. Регламента состоитъ въ томъ, что Петръ В., какъ христіанскій государь и какъ блюститель правовѣрія и церковнаго благочинія, благоволилъ учредить Духовную Коллегію. Гр. Сперанскій взялъ только слова Прокоповича, но смыслъ далъ имъ иной: у него то обстоятельство, что императоръ есть христіанскій государь, является основаніемъ предиката блюстителя. Но это измѣненіе мысли Дух. Регламента, пожалуй, не имѣло бы важнаго значенія, если бы не было сдѣлано указанной вставки. На томъ же самомъ основаніи, государь именуется верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры. Болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ Ѳ. Г. Тернеръ писалъ относительно ст. 42: «Было бы весьма желательно, что бы болѣе правильное и ясное понятіе охраны церкви замѣнило собой неопредѣленное и невѣрное понятіе: защиты и охраны (?) догматовъ. Дѣло слѣдуетъ, кажется, понимать такимъ образомъ: хранителемъ христіанскаго догмата (? догматовъ) является вселенская церковь, а охранителемъ мѣстной церкви глава государства; если же подобное опредѣленіе признать правильнымъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что редакція ст. 42 не совсѣмъ правильно выражаетъ эту мысль, и не соотвѣтствуетъ даже тому, что проявляется въ нашей жизни» [1]).

Помимо неправильности признанія въ государѣ хранителя догматовъ вѣры, слѣдуетъ также отмѣтить и другое обстоятельство не меньшаго значенія. То, что

---

[1]) Сборникъ госуд. знаній, т. III, Свобода совѣсти и отношеніе государства къ церкви, стр. 33.

императоръ есть христіанскій государь (никакой конфессіональной опредѣлительности!), не можетъ служить логическимъ основаніемъ приписанныхъ ему предикатовъ: верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры. Самое выраженіе: господствующая вѣра едва ли не является переводомъ съ французскаго la religion dominante, во всякомъ случаѣ въ русскомъ законодательствѣ для этого выраженія, принятаго Сводомъ, основаній не было.

Ст. 41 точно повторяетъ мысль тѣхъ актовъ, которые указаны въ подстатейной ссылкѣ. Ея значеніе для нашего вопроса менѣе важно, чѣмъ только что разсмотрѣнныхъ ст.ст. 42 и 43; о немъ будетъ сказано ниже въ иной связи.

Но какъ бы ни сложился текстъ ст.ст. 41—43, по Манифесту 31 января 1833 г. онѣ, какъ часть Свода Законовъ, съ 1 января 1835 г. «воспріяли законную силу и дѣйствіе»; въ послѣдующихъ же изданіяхъ Свода онѣ повторялись безъ какихъ бы то ни было измѣненій.

Выводъ изъ исторіи текста нашихъ законовъ, опредѣляющихъ положеніе русскаго императора въ русской православной церкви, и изъ представленнаго выше ихъ толкованія можно свести къ слѣдующимъ тезисамъ:

1) Императоръ есть носитель и органъ высшей власти въ русской православной церкви; его церковная власть есть часть, или вѣрнѣе, одно изъ направленій высшей власти государственной; непроизводной по происхожденію и самостоятельной по осуществленію чисто церковной власти русскіе основные законы не знаютъ.

2) Высшая власть въ церкви осуществляется императоромъ непосредственно въ законодательствѣ и въ актахъ верховнаго управленія. Такого рода акты законодательные и въ порядкѣ верховнаго управленія суть акты государственной власти. Нѣтъ церковнаго закона, который не былъ бы закономъ государственнымъ, равнымъ образомъ акты верховнаго управленія въ церковной области не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ акты государственнаго управленія.

3) Святѣйшій Правительствующій Синодъ есть органъ Государя Императора (вторичный). Онъ представляетъ

не что иное, какъ государственное установленіе, учрежденное верховною государственною властью, находится отъ нея въ такой же зависимости, какъ и другія государственныя установленія, если имѣть въ виду родовой признакъ этой зависимости, и осуществляетъ отъ имени государя церковное управленіе, какъ одну изъ отраслей государственнаго управленія.

4) Сохраняя черты каноническаго устройства и управленія, русская православная церковь съ формально-юридической точки зрѣнія есть часть государственнаго строя, вѣдомство [1]).

При изданіи основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 г., послѣдовавшемъ за коренными измѣненіями въ государственномъ строѣ Россійской имперіи во исполненіе манифеста 17 октября 1905 г., можно было ожидать переработки и законовъ о вѣрѣ заново. Ожиданіе было тѣмъ естественнѣе, что русское общество и часть духовенства высказались за неотложность реорганизаціи русской православной церкви, указавъ на необходимость согласовать церковный строй съ новымъ строемъ государственнымъ [2]). Ожиданіе это не оправдалось: статьи законовъ о вѣрѣ, относящіяся къ нашему вопросу перешли безъ всякаго измѣненія сначала въ текстъ Основныхъ Законовъ 23 апр. 1906 г., а затѣмъ и въ Сводъ Законовъ (т. I, ч. I, изд. 1906 г.). Но сохранились ли ихъ прежній смыслъ и прежнее значеніе?

Основные Законы 23 апрѣля представляютъ единый актъ; всѣ его части должны быть понимаемы и толкуемы по разуму всего закона и въ полномъ соотвѣтствіи однѣхъ съ другими; поэтому перенесеніе отдѣльныхъ частей стараго закона въ новый, хотя бы и безъ измѣненій въ текстѣ ихъ, не устраняетъ возможности того, что эти части, оставаясь по буквѣ тождественными съ прежними постановленіями закона, получаютъ новый смыслъ и новое значеніе. Основные Законы 1906 г.

---

[1]) Церковно-судебная часть въ виду того, что въ русской православной церкви не принятъ принципъ раздѣленія административной и судебной власти субсуммируется подъ понятіе управленія.

[2]) Особенно слѣдуетъ отмѣтить записку петербургскаго духовенства, напечат. въ Церков. Вѣсти. 1905 г. № 11.

вводятъ въ русское право новые принципы, прежде ему неизвѣстные, при томъ столь важнаго значенія, что эти принципы не могутъ не вліять кореннымъ образомъ на смыслъ и значеніе тѣхъ частей закона 1906 г., которыя перенесены сюда изъ старыхъ изданій Свода. Мы имѣемъ здѣсь въ виду два принципа; 1) ограниченіе неограниченнаго прежде монарха участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи верховной власти и 2) точное разграниченіе въ законѣ актовъ законодательныхъ отъ актовъ управленія. Указанное сейчасъ обстоятельство надо имѣть въ виду и при толкованіи ст. ст. 63—65 основ. зак. (Св. Зак. т. I, ч. I, изд. 1906 г.), буквально повторяющихъ ст. ст. 41—43 прежнихъ изданій этой части Свода.

Обратимся къ выясненію важнѣйшей изъ нихъ—ст. 65. Какое значеніе должно придавать словамъ этой статьи: «*въ управленіи церковномъ*»? Мы видѣли, что по терминологіи перваго изданія Свода Законовъ управленію противополагались законодательство и верховное правленіе. Власть законодательная и власть верховнаго правленія, совокупно взятыя, подъ именемъ державы или власти державной, исключительно и безраздѣльно принадлежатъ императору. Порядокъ верховнаго правленія объемлетъ два главные предмета—править установленіями и править силами правительства. Отъ верховнаго управленія отличается управленіе: власть верховная правитъ установленіями, ею учрежденными, а установленія управляютъ дѣлами, имъ ввѣренными, по уставамъ ихъ и учрежденіямъ. Совершенно иное значеніе должно принадлежать словамъ ст. 65: «въ управленіи церковномъ», что съ необходимостью слѣдуетъ изъ сопоставленія названной статьи съ остальными частями Основныхъ Законовъ 1906 г.

Въ гл. I о существѣ верховной власти развитіе мысли законодателя представляется въ слѣдующемъ видѣ: Сначала говорится о томъ, что императору принадлежитъ верховная самодержавная власть (ст. 4); предикатъ неограниченности власти, выраженный въ прежней редакціи этой статьи, опущенъ. Далѣе идетъ рѣчь объ осуществленіи законодательной власти: импе-

раторъ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой; имѣетъ право почина (иниціативы) по всѣмъ предметамъ законодательства и утверждаетъ законы (ст. 7—9). Слѣдующія статьи имѣютъ предметомъ своего содержанія власть управленія: власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ императору; различается управленіе верховное и управленіе подчиненное; въ управленіи верховномъ власть императора дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ него, согласно закону, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ его именемъ и его повелѣніемъ (ст. 10); ст. ст. 12—21 перечисляютъ части управленія, непосредственно осуществляемаго императоромъ. Наконецъ, ст. ст. 22 и 23 говорятъ о судебной власти. Такимъ образомъ, въ дѣйствующихъ основныхъ законахъ управленіе противополагается не верховному правленію, а законодательству и суду. Подъ понятіе управленіе субсуммируется и то, что прежде, въ первомъ изданіи Свода, называлось управленіемъ (administration), и то, что называлось верховнымъ правленіемъ (gouvernement). Въ ст. 65 подъ словами: управленіе церковное слѣдуетъ понимать осуществленіе административной власти, въ противоположность власти законодательной; но такъ какъ въ русской православной церкви не существуетъ разграниченія власти административной и судебной, то подъ понятіе: управленіе церковное должна быть подводима и эта послѣдняя. По буквальному и точному смыслу нашихъ основныхъ законовъ осуществленіе законодательной власти въ церковной области по всѣмъ предметамъ законодательства, казалось бы, должно принадлежать императору въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, ибо никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора (ст. 86). Какой же смыслъ должна имѣть ст. 65? Согласно ей, императоръ въ церковномъ управленіи дѣйствуетъ посредствомъ Св. Правительствующаго Синода, т. е. акты верховнаго

управленія, относящіеся къ церковному управленію, должны обращаться Св. Синоду; за силой ст. 65 они изъемлются изъ подъ дѣйствія ст. 24 относительно обнародованія указовъ и повелѣній Государя Правительствующимъ Сенатомъ. Но относительно всѣхъ актовъ церковнаго управленія должны имѣть силу—1) ст. 11, по которой акты верховнаго управленія должны быть «въ соотвѣтствіи съ законами», 2) ст. 94, допускающая отмѣну закона только закономъ, и 3) ст. 24, поскольку она требуетъ для указовъ и повелѣній Государя Императора скрѣпы предсѣдателемъ Совѣта министровъ или подлежащимъ министромъ либо управляющимъ отдѣльною частью. Высочайшіе указы и повелѣнія по дѣламъ церковнаго управленія должны имѣть надлежащую скрѣпу съ послѣдствіями по ст. ст. 123 и 124. Такую скрѣпу должны давать либо предсѣдатель Совѣта министровъ, либо оберъ-прокуроръ Св. Синода, если онъ состоитъ членомъ Совѣта министровъ на правахъ управляющаго отдѣльной частью. Что касается церковнаго законодательства, то по отношенію къ нему не измѣнилось положеніе прежнихъ законовъ: нѣтъ закона церковнаго, который не былъ бы закономъ государственнымъ. Порядокъ изданія законовъ, установленный новыми основными законами, въ полной мѣрѣ долженъ примѣняться и къ изданію церковныхъ законовъ. Съ этой точки зрѣнія постановленія всероссійскаго собора не могутъ ни въ чемъ измѣнить дѣйствующихъ законовъ и не могутъ имѣть силу равную силѣ законовъ.

Приведенныя соображенія о церковномъ управленіи и законодательствѣ могутъ быть подкрѣплены также и тѣмъ, что въ главѣ о существѣ верховной власти не положено никакихъ изъятій относительно церковнаго управленія, какъ нѣтъ вообще болѣе опредѣлительныхъ постановленій о дѣйствіи самодержавной власти въ управленіи церковномъ. Равнымъ образомъ нѣтъ чего либо подобнаго относительно церковнаго законодательства ни въ главѣ о законахъ, ни въ учрежденіяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Положеніе старыхъ основныхъ законовъ, что церковный

строй есть лишь часть государственнаго строя, осталось и въ новыхъ.

Значеніе и смыслъ ст.ст. 63 и 64, повторяющихъ статьи 41 и 42, не измѣнились и въ новомъ законѣ. По отношенію къ нимъ можно ограничиться краткимъ замѣчаніемъ о редакціи ст. 64. Выше было уже указано, какъ выработана редакція этой статьи составителемъ Свода. Въ 1906 г. для законодателя при изданіи основныхъ законовъ не существовало тѣхъ условій, съ которыми долженъ былъ считаться гр. Сперанскій въ своей работѣ. Поэтому если понятно, почему гр. Сперанскій вынужденъ былъ къ натянутому и неудачному комментированію одного выраженія въ старомъ актѣ, являющагося lapsus calami законодателя, то совсѣмъ уже непонятно, почему въ текстѣ закона 23 апрѣля 1906 г. сохранена редакція, во всякомъ случаѣ не являющая образца редактированія закона.

Вообще едва ли слѣдуетъ признать счастливой мыслью ограничиться при изданіи новыхъ основныхъ законовъ лишь воспроизведеніемъ 41—43 статей стараго Свода Законовъ. Со времени ихъ формулированія протекло болѣе трехъ четвертей столѣтія. За это время и научная мысль, и народное правосознаніе не стояли на одномъ мѣстѣ. Если были бы использованы новыя данныя по предмету содержанія этихъ статей, то въ законодательную регламентацію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ русскаго права, во всякомъ случаѣ, была бы внесена большая степень ясности и опредѣленности. Мы не говоримъ уже о томъ, насколько далека отъ правосознанія нашего времени та конструкція церковной власти, которая служила основаніемъ для Д. Регламента и которая получила дальнѣйшее развитіе при первомъ изданіи Свода Законовъ. Наконецъ, едва ли удаченъ пріемъ редактированія законодательнаго акта, состоящій въ перенесеніи части одной системы, покоящейся на извѣстныхъ принципахъ, въ другую систему, основанную на другихъ принципахъ, безъ предварительной переработки этой части въ соотвѣтствіи съ принципіальными основами новой системы.

Изъ предшествующаго изложенія русскаго законодательства относительно положенія русскаго императора въ православной церкви вытекаетъ, что императоръ по русскимъ государственнымъ законамъ является обладателемъ высшей церковной власти. Это положеніе не есть результатъ органическаго развитія внутренняго церковнаго права, а отвнѣ привнесеннаго пониманія задачъ государства и его структуры Императоръ есть высшій органъ русской православной церкви, но данный не ея внутреннимъ правомъ, а правомъ для нея внѣшнимъ, государственнымъ. Государственная власть русскаго императора понимается въ законодательствѣ такимъ образомъ, что власть церковная представляетъ лишь ея интегральную часть. Итакъ, соглашаясь съ конструкціей проф. Суворова въ той ея части, по которой императоръ есть обладатель высшей власти въ русской православной церкви, мы отмѣчаемъ, что эта власть принадлежитъ императору по государственному праву, и формально-государственная.

Проф. Суворовъ называетъ русскаго императора субъектомъ высшей власти въ русской православной церкви. Если здѣсь проф. Суворовъ не слѣдуетъ отвергаемому большинствомъ ученыхъ мнѣнію баварскаго публициста Зейделя, который видитъ въ томъ, кто осуществляетъ власть въ союзѣ (государствѣ), субъекта власти, въ самомъ же союзѣ (государствѣ) объектъ власти, то терминъ: субъектъ власти по отношенію къ русскому императору употребляется имъ безъ достаточнаго основанія и вмѣсто общепринятаго: органъ. Разница здѣсь не въ однихъ словахъ. Съ понятіемъ: субъектъ власти въ современной публицистической литературѣ соединяется мысль, что субъектомъ власти въ любомъ союзѣ является самъ союзъ; тотъ кто осуществляетъ власть въ союзѣ во имя союза, есть органъ его. Это положеніе примѣняется даже къ абсолютнымъ монархіямъ: самодержавный монархъ есть также органъ государства и осуществляетъ власть, субъектомъ которой является государство, не jure proprio, а jure publico, въ силу права, принадлежащаго ему по дѣйствующему правопорядку.

При такомъ положеніи дѣла на первый взглядъ получается противорѣчіе: Государь Императоръ есть высшій органъ русской православной церкви не въ силу ея внутренняго права, а права для нея внѣшняго, государственнаго. Но это противорѣчіе мнимое. Русское законодательство по нашему вопросу, имѣя своимъ основаніемъ ученіе естественнаго права и территоріальную теорію власти Landesherr'a въ Landeskirche, идеи которыхъ стояли въ полномъ соотвѣтствіи въ абсолютно-монархическимъ режимомъ и постулатами полицейскаго государства, игнорировало самостоятельность церковнаго права. Въ части, признанной государствомъ, церковное право становилось государственнымъ, въ части непризнанной оно игнорировалось государствомъ. Такъ какъ при господствѣ этихъ идей государственная власть разсматривала церковь какъ часть государства, то тѣ функціи церковнаго организма, которыя не могли быть выполняемы органами государственной власти (напримѣръ, догматическое законодательство) атрофировались, поражались некрозомъ.

Какъ обосновываетъ проф. Суворовъ церковную власть императора въ русской православной церкви? До изданія основныхъ законовъ 1906 г. обоснованіе царской церковной власти формулировалось такимъ образомъ: «Между царскимъ самодержавіемъ, какъ сознаннымъ принципомъ русскаго публичнаго права, и между усвоеніемъ царю высшей церковно - правительственной власти есть необходимое соотношеніе: русскій народъ, политически управляемый самодержавнымъ царемъ, какъ верховной правительственной властью, поскольку этотъ же самый народъ составляетъ русскую православную церковь, не можетъ допустить существованія въ русской землѣ другой юридической власти, независимой отъ самодержавнаго царя» [1]). Здѣсь не ясно, что надо разумѣть подъ несовсѣмъ опредѣленнымъ понятіемъ соотношенія. И простое сосуществованіе двухъ явленій, и каузальная зависимость ихъ одно отъ другого, и отношеніе одного изъ нихъ къ другому

[1]) Учебникъ, изд. 1902, стр. 228.

какъ основанія къ слѣдствію можно называть соотношеніемъ. Едва ли, впрочемъ, рѣчь идетъ о простомъ сосуществованіи. Очевидно, имѣется въ виду каузальное отношеніе съ точки зрѣнія метафизической и отношеніе основанія къ слѣдствію съ логической точки зрѣнія. Ни противъ того, ни противъ другого положенія возразить нечего. Самодержавіе, которое, конечно, понималось авторомъ какъ абсолютно-монархическій режимъ, можетъ быть признаваемо какъ причина положенія императора въ русской православной церкви въ качествѣ ея высшаго органа. Разсматривая самодержавіе какъ политическій принципъ, въ немъ можно видѣть и логическое основаніе признанія государя высшимъ органомъ церкви. Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо допустить, что положеніе русскаго царя въ русской православной церкви вытекало съ необходимостью (метафизической и логической) изъ его положенія неограниченнаго (самодержавнаго) монарха въ государствѣ. Послѣднее есть первоначальное явленіе, prius, первое—posterius, производное. Такимъ образомъ, если раскрыть неопредѣленное и слишкомъ общее понятіе, которымъ оперируетъ проф. Суворовъ, то дѣло слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что самодержавіе, какъ политическій принципъ, есть основаніе признанія высшей церковной власти царя, или самодержавіе, какъ реальное правовое явленіе, есть причина другого правового явленія, высшей власти царя въ церкви. Если это такъ, то конструкція проф. Суворова идетъ гораздо далѣе, чѣмъ конструкціи современныхъ нѣмецкихъ канонистовъ, объясняющія соединеніе въ лицѣ, напримѣръ, прусскаго монарха, власти государственной и церковной. Согласно имъ, прусскій монархъ имѣетъ государственную и церковную власть въ силу двухъ независимыхъ одинъ отъ другого правовыхъ порядковъ государственнаго и церковнаго. Соотношеніе, о которомъ говоритъ проф. Суворовъ, и должно вести его далѣе нѣмецкихъ канонистовъ. Разъ главнымъ изъ двухъ находящихся «въ соотношеніи» явленій признается положеніе монарха въ государствѣ, то значеніе его въ церкви опредѣляется въ силу поло-

женія его въ государствѣ. Если русскій народъ, политически управляемый (?) самодержавнымъ царемъ, по этому самому не могъ допустить существованіе другой юридической власти, независимой (и непроизводной) отъ самодержавнаго царя, то съ измѣненіемъ политическаго режима онъ можетъ, а пожалуй, и долженъ допустить. Что мы не вкладываемъ въ слова проф. Суворова смысла, имъ непринадлежащаго, хотя, быть можетъ, проф Суворовымъ и не сознаваемаго, наглядным доказательствомъ служитъ то, что въ новомъ изданіи Учебника 1908 г, т е. послѣ изданія новыхъ основныхъ законовъ, эта аргументація относительно высшей церковной власти императора уже оставлена, очевидно, за непригодностью.

Теперь положеніе русскаго императора въ церкви въ качествѣ высшаго органа аргументируется по иному. «Высшая правительственная власть въ русской православной церкви принадлежитъ самодержавному монарху. Этотъ принципъ, ясно выраженный въ основныхъ законахъ россійской имперіи (ст. 63—65), есть послѣдовательный выводъ изъ всей исторіи развитія церковнаго устройства, какъ на греческомъ востокѣ, такъ и въ нашемъ отечествѣ. Верховная самодержавная власть русскаго императора содержитъ въ себѣ государственную и церковную власть. Послѣдняя, осуществляющаяся черезъ Св. Синодъ, обосновывается не на томъ, что Императоръ, какъ глава государства, имѣетъ власть надъ церковью, находящеюся въ предѣлахъ государственной территоріи, а на томъ, что онъ лично принадлежитъ и не можетъ не принадлежать къ русской православной церкви, и что, въ качествѣ христіанскаго государя, онъ есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія. Блюстительство логически немыслимо безъ принятія мѣръ на пользу правовѣрія и благочинія, т. е. безъ правительственной власти» [1]). Эта аргументація состоитъ изъ доводовъ двоякаго рода: указанія на выводъ изъ исторіи и

[1]) Учебникъ изд. 1908 г., стр. 192.

ссылокъ на законодательство. Обратимся къ разсмотрѣнію ихъ, начиная съ послѣднихъ двухъ доводовъ.

Въ новой аргументаціи, такъ же какъ и въ старой, фигурируетъ самодержавіе, верховная самодержавная власть, рядомъ говорится о «церковной сторонѣ самодержавія». Въ настоящее время логическія операціи съ понятіемъ самодержавія едва ли представляютъ удобный пріемъ ученой аргументаціи. До изданія основныхъ законовъ 1906 г. въ области теоретической не было различныхъ пониманій самодержавія; въ сферѣ практической политики съ терминомъ: самодержавіе лица самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій соединяли одно совершенно опредѣленное и ясное понятіе. Въ настоящее время дѣло обстоитъ такимъ образомъ: съ одной стороны редакція основныхъ законовъ обнаруживаетъ какъ бы нарочитую цѣль редакторовъ лишить этотъ терминъ всякой ясности и опредѣленности, съ другой—актъ 3 іюня 1907 г. для теоретиковъ права вноситъ непобѣдимыя трудности при выясненіи этого термина; въ практической же политикѣ дѣло сводится къ двумъ противоположнымъ положеніямъ: у насъ нѣтъ конституціи, у насъ есть конституція. На ученомъ, который оперируетъ понятіемъ самодержавіе, какъ элементомъ русскаго положительнаго права, лежитъ обязанность оговорить то значеніе этого понятія, съ какимъ онъ беретъ его въ томъ или иномъ случаѣ. Впрочемъ, разсужденіе, повидимому сводится къ слѣдующему: самодержавія, какъ политическаго принципа въ смыслѣ абсолютной монархіи, уже нѣтъ въ русскомъ государственномъ правѣ, но оно остается существовать какъ принципъ церковнаго права. Такая постановка вопроса обязываетъ сторонника церковно-правового самодержавія указать акты законодательства, гдѣ этотъ юридическій принципъ выразился и какую формулировку онъ тамъ получилъ. Такихъ актовъ указать нельзя. Для допетровской Руси такое искуственное построеніе, при развитіи правосознанія того времени и примитивности средствъ юридической техники,—непосильно, а со времени Петра оно исключается несомнѣннымъ фактомъ полнаго абсорбированія церковной власти властью го-

сударственной. Невозможность эта косвеннымъ образомъ подтверждается проф. Суворовымъ, когда онъ говоритъ, что принципъ принадлежности высшей правительственной власти въ церкви русскому императору выраженъ въ основныхъ законахъ. Читатель въ правѣ спросить, почему же принципъ внутренняго церковнаго права не нашелъ себѣ выраженія во внутреннемъ церковномъ правѣ, а лишь въ законодательномъ актѣ, который называется «основными государственными законами», и, конечно, будетъ правъ, сдѣлавъ такое заключеніе: если положеніе о принадлежности русскому императору высшей власти въ русской православной церкви нашло себѣ выраженія не во внутреннемъ церковномъ правѣ, а только въ государственныхъ основныхъ законахъ, то это принципъ не церковнаго, а государственнаго права.

Еще слабѣе другой доводъ, опирающійся на положительное право, именно: на ст. 63 и 64. Во-первыхъ, никогда и нигдѣ принадлежность къ любому союзу не разсматривалась и не разсматривается какъ основаніе обладанія высшей властью въ данномъ союзѣ. Быть можетъ здѣсь имѣется въ виду аргументація, которой охотно пользуются католическіе богословы и которая сводится къ тому, что вѣрующій будто вступаетъ въ церковь со всѣми своими общественными отношеніями: воинъ съ своимъ оружіемъ, профессоръ съ своей кафедрой, король съ своей короной и т. д. Но такая аргументація удобна лишь для католической церкви, такъ какъ вводя въ церковь короля съ его короной, она тотчасъ же заботливо разъясняетъ его подчиненное положеніе относительно верховной власти церкви. По отношенію къ православной церкви она ведетъ съ логической необходимостью къ выводу, что высшая власть, правящая православной церковью, есть власть для нея внѣшняя, государственная.

Во-вторыхъ, всѣ предикаты, приписываемые русскому императору статьей 64, могутъ относиться и къ внѣшней государственной власти, за исключеніемъ, конечно, предиката хранителя догматовъ, исторія и значеніе котораго разъяснены выше. И католическая церковь, не признававшая за государями церковной власти, припи-

сывала имъ advocatio ecclesiae (Schutzrecht); средневѣковыя ученія о custodia и о praecipuum ecclesiae membrum впервые высказаны также въ примѣненіи къ католическимъ государямъ, когда протестантства не было; дѣло шло даже далѣе, католическимъ государямъ усвоялось jus reformandi, право положительнаго вмѣшательства въ церковное управленіе; въ необходимыхъ случаяхъ свѣтскій государь замѣщалъ власть церковную (Notrecht).

Въ-третьихъ, по дѣйствующему русскому праву осуществленіе высшей власти въ русской православной церкви не всегда обусловлено принадлежностью осуществляющихъ ее къ православію. Въ гл. 3 основныхъ законовъ, гдѣ излагаются правила о правительствѣ, учреждаемомъ при вступленіи на престолъ Государя, недостигшаго установленнаго закономъ совершеннолѣтняго возраста, отъ правителя не требуется принадлежности къ православію, не требуется ея и отъ членовъ совѣта правительства, и тѣмъ не менѣе по ст. 50 въ совѣтъ правительства входятъ *всѣ безъ изъятія дѣла*, подлежащія рѣшенію самого императора. Не только не дѣлается изъятія для дѣлъ церковнаго управленія, но и вообще изъятія не допускаются.

Что касается послѣдовательнаго вывода изъ всей исторіи развитія церковнаго устройства какъ на греческомъ востокѣ, такъ и въ нашемъ отечествѣ, то не слѣдуетъ забывать, что тотъ или иной даже безспорный научный выводъ изъ исторіи ни къ чему не обязываетъ въ области положительнаго права. Можно указать очень много примѣровъ, когда ошибочный выводъ изъ исторіи, принятый законодателемъ и облеченный въ форму велѣнія закона, дѣйствуетъ съ непререкаемой силой и, наоборотъ, совершенно правильный выводъ, отвергаемый или игнорируемый законодателемъ, не вліяетъ на правовое нормированіе соотвѣтствующихъ явленій. Ограничимся однимъ примѣромъ изъ области частнаго права: отношеніе хозяина фабрики и работающихъ на этой фабрикѣ рабочихъ въ странахъ съ преобладающей фабрично-заводской промышленностью по своему соціальному содержанію не можетъ быть

признаваемо простымъ договоромъ найма двухъ одинаково свободныхъ контрагентовъ, однако во всѣхъ законодательствахъ оно разсматривается какъ такой договоръ.

Проф. Суворовъ ставитъ въ упрекъ русскимъ богословамъ, что они понимаютъ самодержавіе какъ политическій принципъ, не желая знать самодержавія съ его церковной стороны. Этотъ упрекъ, пожалуй, вполнѣ справедливъ, но въ особомъ смыслѣ. Въ большей части богословскихъ работъ по церковному праву сознательно или безсознательно игнорируется тотъ фактъ, что русскіе самодержцы были и остаются теперь высшими органами церкви, и при томъ съ Петра В. въ силу ясно выраженныхъ положеній государственнаго права. Но проф. Суворовъ имѣетъ въ виду совсѣмъ другое: самодержавіе съ его церковной стороны есть необходимый правовой принципъ «русскаго православія», такъ что самое существованіе русскаго православія безъ самодержавнаго царя, повидимому, представляется невозможнымъ. Какія основанія имѣются для того, чтобы приписывать такое значеніе самодержавію съ его церковной стороны для русскаго православія—неизвѣстно. Почему историческій процессъ развитія правосознанія и положительнаго права церкви оставитъ и долженъ оставить этотъ принципъ незатронутымъ? На вопросъ о томъ, почему возможно православіе въ Элладѣ и Румыніи безъ самодержавія, а въ Россіи оно не можетъ существовать безъ самодержавнаго царя,—отвѣтъ дается очень краткій и непрямой. «Можно предполагать существованіе нѣкоторой связи между фактомъ возникновенія разныхъ автокефальныхъ церквей и тѣмъ фактомъ, что до настоящаго времени существовало (?) русское государство съ русскимъ царемъ», восточные патріархи до сихъ поръ обращаются къ русскому царю, какъ покровителю всего православія [1]). Исторической связи, указанной проф. Суворовымъ, конечно, никто отрицать не станетъ; каждый согласится также, что восточные патріархи не только обращались къ русскому царю, какъ къ покро-

[1]) Учебникъ, 1908, стр. 194.

вителю всего православія, но и получали реальное покровительство. Но какимъ образомъ изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ необходимость признанія самодержавнаго царя высшимъ органомъ русской православной церкви, почему покровителемъ всего православія русскій царь можетъ быть лишь въ такомъ качествѣ, а не въ качествѣ царя, исповѣдующаго православную вѣру—эти вопросы оставлены безъ разъясненій.

Проф. Суворовъ приписываетъ русскому императору высшую церковную власть не въ полномъ ея объемѣ, а лишь высшую правительственную власть въ церкви. «Царская церковная власть простирается на то, что въ католическомъ церковномъ правѣ называетсл potestas jurisdictionis. Высшая церковная власть, такимъ образомъ, дѣлится: часть ея, именно—правомочіе управлять церковью, признается принадлежащей императору, другія же части—potestas ordinis s. ad sanctificandum (т. е. священная власть раздаянія благъ спасенія) и potestas magisterii s. ad docendum (т. е. правомочіе авторитарно опредѣлять ученіе церкви—Glaubensgesetze zu erlassen), слѣдовательно, должны быть отнесены къ компетенціи другого высшаго органа. Въ православной церкви, если къ ней примѣнять католическую схему церковной власти, долженъ быть не одинъ высшій органъ (по проф. Суворову, субъектъ высшей церковной власти), а по крайней мѣрѣ два. Тогда непонятно утвержденіе проф. Суворова, что «русскій народъ, поскольку онъ составляетъ русскую православную церковь, не можетъ допустить существованіе въ русской землѣ другой юридической власти, независимой отъ самодержавнаго царя», ибо по его конструкціи не только можетъ, но и долженъ, такъ какъ отрицаніе характера юридической власти по отношенію къ potestas ordinis и p. magisterii для канониста недопустимо.

Но гораздо важнѣе въ разсматриваемомъ теперь положеніи неправильное пониманіе potestas jurisdictionis католическаго церковнаго права. Только благодаря этому неправильному пониманію, она и можетъ приравниваться къ власти русскаго императора въ православной церкви. Potestas jurisdictionis католическаго церковнаго права,

представляя аналогонъ государственной власти [1]), существенно отличается отъ нея. Государственная власть простирается лишь на внѣшнее поведеніе, поступки, подвластныхъ; мотивы поведенія послѣднихъ не составляютъ объекта властвованія государства. Другое дѣло власть управленія католической, да и всякой другой, церкви. Церкви важно не столько регулировать внѣшнее поведеніе ея членовъ согласно правовымъ нормамъ, сколько поставить ихъ внутреннюю жизнь въ согласіе съ требованіями религіи и религіозной морали; potestas jurisdictionis обнимаетъ не только forum externum, но и forum internum.

Далѣе, potestas jurisdictonis католическаго церковнаго права сравнительно съ pot. ordinis и pot. magisterii является второстепенной, средствомъ для осуществленія ученія и священнодѣйствія. Сравненіе власти русскаго императора въ православной церкви съ pot. jurisdictionis ведетъ къ весьма неудобнымъ послѣдствіямъ. Императоръ обладаетъ въ церкви высшей правительственной властью, но осуществлять ее онъ долженъ для цѣлей, которыя ставитъ и реализуетъ другая власть, отъ его власти непроизводная. Власть императора это средство для другой власти, императору не принадлежащей. Другими словами, императоръ, какъ обладатель высшей власти въ церкви, не по соображеніямъ удобства и цѣлесообразности, а принципіально оказывается неправоспособнымъ, некомпетентнымъ въ цѣломъ рядѣ актовъ церковнаго властвованія.

III.

Классическій примѣръ объединенія церковной и государственной власти въ новое время представляетъ протестантская Германія, а изъ германскихъ государствъ наиболѣе типичнымъ въ этомъ отношеніи является Пруссія. Здѣсь всего удобнѣе наблюдать судьбу принципа соединенія власти государственной и церковной въ

[1]) Отсюда соблазнительная легкость замѣны понятія власти государя въ церкви въ силу государственнаго права понятіемъ pot. jurisdictionis католическаго церковнаго права.

одномъ лицѣ при различныхъ правовыхъ условіяхъ, такъ какъ 1) здѣсь вполнѣ закончился переходъ отъ абсолютизма къ конституціонализму, отъ бюрократизма къ самоуправленію, 2) различныя стадіи исторической эволюціи какъ государственнаго, такъ и церковнаго строя освѣщены высоко развитой наукой права.

Не имѣя въ виду предлагать болѣе или менѣе подробнаго очерка развитія церковнаго строя Пруссіи въ связи съ государственно-правовымъ ея развитіемъ, мы укажемъ здѣсь лишь на наиболѣе существенные моменты исторіи разсматриваемаго нами правового принципа.

Противоположеніе церкви и государства было чуждо нѣмецкимъ реформаторамъ. Въ ихъ ученіи о томъ, что церковь невидима, не есть во внѣ проявляющаяся юридическая организація, лежало серьезное препятствіе для самостоятельности церкви относительно государства. Міръ реформаторы представляли, согласно средневѣковому воззрѣнію, единствомъ; управленіе имъ посредствомъ права и принужденія приписывалось свѣтскому начальству, поставленному непосредственно Богомъ. Въ признаніи непосредственнаго поставленія свѣтскаго начальства Богомъ ярко выразилась противоположность папской системѣ. Поставленное Богомъ свѣтское начальство не ограничивается преслѣдованіемъ однихъ лишь свѣтскихъ интересовъ. Ландесгерръ имѣетъ право въ случаѣ нужды, напр. если церковная власть не исполняетъ или не имѣетъ возможности исполнять своихъ обязанностей, управлять и дѣлами чисто духовными; онъ имѣетъ непосредственно отъ Бога custodia utriusque tabulae и есть преимуществующій, не равный другимъ, членъ церкви (praecipuum ecclesiae membrum [1]). Духовная власть управомочена лишь на учительство и пастырство. Пастырство даже отождествляется съ учительствомъ pascere nihil aliud est quam docere. Но какъ ни глубоко измѣняли эти взгляды средневѣковое воззрѣніе на государство и церковь, въ нихъ еще оставалось значительное содержаніе элементовъ послѣдняго: во-первыхъ,

---

[1]) Всѣ эти ученія восходятъ къ временамъ до реформаціи, но реформаторы дали имъ болѣе опредѣленное и глубокое значеніе.

правомочія въ области духовной и свѣтской, по крайней мѣрѣ, строго различались; во-вторыхъ, правомочія ландесгерра въ духовной области основывались не на его правѣ, а на религіозной обязанности; въ третьихъ, соединеніе въ лицѣ ландесгерра свѣтской и духовной власти признавалось не выводомъ изъ какого либо принципіальнаго положенія, наоборотъ—явленіемъ случайнымъ, обусловленнымъ нестроеніемъ переходнаго періода, и временнымъ—впредь до того, когда компетентная церковная власть (вселенскій соборъ) дастъ постоянное устройство духовной области на началахъ коренной реформы церкви. Особенно ясно положеніе переходнаго періода отразилось въ роли духовенства протестантскихъ Landeskirchen въ первое время реформаціи и въ первой (хронологически) попыткѣ теоретическаго объясненія власти государя въ церкви. Какъ извѣстно, духовныя лица и теологи на первыхъ порахъ имѣли весьма значительное вліяніе на церковное управленіе. Правда, это вліяніе было чисто фактическое, и правомъ фиксировано не было, но, вѣдь, и положеніе ландесгерра опредѣлялось не правовыми нормами. Различіе церковной и государственной власти, равно какъ временный и случайный характеръ власти ландесгерра въ церкви его страны настойчиво подчеркивались въ епископальной теоріи. Власть церковная находится въ обладаніи государя страны лишь ad instar depositi. Эта формулировка въ терминахъ частнаго права, характерная для того времени, когда въ государственно-правовой сферѣ господствовали патримоніальныя воззрѣнія, даетъ вполнѣ ясную мысль о различіи обладанія ландесгерромъ властью государственной и властью церковной: если первой онъ обладаетъ какъ dominium; то второй лишь ad instar depositi; въ качествѣ депозитара ландесгерръ обязанъ возвратить ее тому, кому она принадлежитъ.

Подъ вліяніемъ идей естественнаго права картина рѣзко мѣняется. Различіе духовныхъ и свѣтскихъ правомочій стирается; церковная власть разсматривается какъ та же государственная, обращенная лишь на церковныя дѣла; носитель той или другой власти одно и то же лицо, не въ силу случайныхъ историческихъ

условій и временный, а постоянный, если не въ силу опредѣленныхъ узаконеній, то, по крайней мѣрѣ, въ силу ясно сознаннаго правового принципа. Это—территоріалистическая теорія, продиктованная естественно-правовой доктриной и государственнымъ абсолютизмомъ. Этой ступени развитія принципа соединенія въ лицѣ ландесгерра власти государственной и церковной соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, русское положительное право. Но въ то время, какъ наше право ни на шагъ не подвинулось впередъ вплоть до настоящаго времени, т. е. почти въ теченіе двухъ столѣтій пребывало неподвижно, германское право далеко ушло впередъ.

Въ 1848 г. абсолютизмъ и бюрократизмъ въ Германіи пали, чтобы дать мѣсто конституціонализму и самоуправленію. Слѣдуетъ отмѣтить характерное явленіе; основныя права франкфуртскаго національнаго собранія провозгласили отдѣленіе церкви отъ государства [1]). Но исторія на этотъ разъ, какъ большей частью бываетъ, не дала примѣра радикальнаго перехода, отъ системы государственной церковности къ системѣ полнаго раздѣленія государства и церкви. Конституціонное государство въ основѣ своей имѣетъ ту идею, что рѣшеніе подавляющаго большинства государственныхъ задачъ исключительно средствами правительства безъ широкаго организованнаго участія народа во власти, невозможно. Относительно религіи конституціонное государство руководится мыслью, что, представляя абсолютную моральную цѣнность для гражданъ, она является также высокой цѣнностью и для государства, но не можетъ и не должна быть объектомъ непосредственнаго властвованія государства. Существующіе христіанскіе церковные союзы (церкви) имѣютъ исторически развившееся и обоснованное право на самостоятельную религіозную работу въ народѣ, такъ какъ располагаютъ для этого болѣе дѣйствительными средствами вліянія на внутреннюю жизнь своихъ членовъ, чѣмъ тѣ, какія имѣются въ распоряженіи государства. При условіи са-

---

1) Умѣстно напомнить здѣсь, какою популярностью пользовалась у насъ послѣдняя въ 1905—06 г. г.

мостоятельности церкви гораздо лучше чѣмъ государство могутъ осуществить проникновеніе народной жизни высокими религіозно-этическими началами христіанства. Въ Германіи постепенно выработалась система государственнаго верховенства надъ церквами (Kirchenhoheit), основныя положенія которой сводятся къ слѣдующимъ: во 1-ыхъ, государственнымъ правомъ церкви признаются публично-правными установленіями, вслѣдствіе чего ихъ правопорядокъ становится аналогичнымъ государственному; во 2-хъ, въ силу государственнаго права имъ предоставляется широкая свобода и самостоятельность съ очерченной правовыми границами компетенціей, что съ точки зрѣнія государственнаго права является автономіей церквей, и въ 3-хъ, государство признаетъ за собой право квалифицированнаго надзора, идущаго, слѣдовательно, далѣе чѣмъ простой надзоръ за ферейнами, чѣмъ имѣется въ виду въ худшемъ случаѣ обезопасить государство отъ аггрессивныхъ дѣйствій церквей, въ лучшемъ обезпечить согласованность дѣятельности церквей съ государственными интересами.

Эта глубокая эволюція въ государственно-правовой области не могла остаться безъ послѣдствій въ области церковной организаціи вообще и, въ частности, должна была оказать сильное вліяніе на принципъ сліянія въ лицѣ государя и государственной, и церковной власти. Уже коллегіальная теорія антиципируетъ главныя идеи современныхъ правовыхъ воззрѣній по нашему вопросу. Прежде всего коллегіалисты вернулись къ старой идеѣ необходимости различать власть государственную и церковную, отказавшись признавать въ послѣдней лишь часть государственной власти. Церковная власть, согласно коллегіальной теоріи, принадлежитъ самой церкви. Роль государственной власти сводится, или вѣрнѣе должна сводиться, лишь къ надзору за осуществленіемъ церковной власти. Если въ силу положительнаго права церковная власть принадлежитъ государю, то она вручена ему церковью. Идеи коллегіалистовъ дальнѣйшее развитіе и болѣе совершенную въ техническомъ отношеніи формулировку получили уже въ новѣйшей юрис-

пруденціи на основѣ современнаго теоретическаго ученія о правѣ и власти.

Въ сферѣ церковнаго права дѣло не ограничилось одной теоріей. Еще до конституціи Фридрихъ Вильгельмъ IV выражалъ готовность возвратить по крайней мѣрѣ «епископскія права» «въ надлежащія руки». Готовность, впрочемъ, на долгое время осталась лишь pium desiderium. Не вполнѣ она осуществлена и теперь, но сдѣлано многое и весьма существенное. Перемѣны, происшедшія въ церковномъ строѣ Пруссіи и другихъ германскихъ государствъ за XIX в., можно характеризовать какъ введеніе въ церковное устройство и управленіе принциповъ конституціонализма и широкаго самоуправленія на всѣхъ ступеняхъ организаціи церкви. Какъ абсолютизмъ и бюрократизмъ претворили церковный строй по образу своему и подобію, такъ новые принципы государственнаго строя, конституціонализмъ и самоуправленіе, дали свой чеканъ новому устройству протестантской церкви Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ. Существенными чертами новаго строя евангелической церкви въ Германіи является параллелизмъ системы правительственныхъ органовъ (суперинтендентъ, генералъ-суперинтендентъ, консисторія, высшій церковный совѣтъ, консисторія страны и др.) и системы органовъ представительныхъ (синоды крейса, провинціи). Весьма характерно при этомъ, что общинно-синодальный строй, хотя его и пытались вывести изъ ученія нѣмецкихъ реформаторовъ, былъ чуждъ имъ. Онъ сработанъ изъ элементовъ не лютеранскаго, а реформатскаго церковнаго устройства.

Высшими церковными органами являются ландесгерръ и генеральный синодъ (синодъ страны). Устройство генеральнаго синода покоится на принципѣ свободно-избраннаго представительства; число его членовъ по назначенію ландесгерра вмѣстѣ съ непремѣнными членами, т. е. членами по праву своего положенія, составляетъ во всякомъ случаѣ меньшинство; не исключается, что число свѣтскихъ членовъ синода можетъ составлять большинство въ синодѣ. Такъ, въ Старой Пруссіи генеральный синодъ состоитъ изъ: 1) 151 члена по избранію

провинціальныхъ синодовъ, сообразно разверстк$ пропорціонально числу членовъ церкви въ провинціи; изъ нихъ только одна треть должна быть обязательно изъ духовныхъ лицъ, другая треть изъ свѣтскихъ, а остальная изъ тѣхъ и другихъ, 2) 6 ординарныхъ профессоровъ, посылаемыхъ въ качествѣ депутатовъ отъ 6 теологическихъ факультетовъ государственныхъ университетовъ, 3) всѣхъ генералъ-суперинтендентовъ по должности, 4) 30 членовъ по назначенію короля прусскаго.

Предсѣдатель синода по большей части свободно избирается членами синода; въ сравнительно незначительномъ числѣ церквей дѣйствуютъ другіе порядки: онъ избирается членами синода изъ своей среды и утверждается церковно-правительственнымъ установленіемъ, назначается ландесгерромъ изъ числа представляемыхъ синодомъ кандидатовъ, назначается церковно-правительственнымъ установленіемъ изъ членовъ синода или изъ своихъ членовъ. Право созыва синода принадлежитъ ландесгерру.

Власть и компетенція генеральнаго синода и ландесгерра аналогичны власти и компетенціи народнаго представительства и монарха по конституціи даннаго государства. Главныя правомочія ландесгерра сводятся къ слѣдующимъ: осуществленіе совмѣстно съ синодами власти законодательной, санкція и публикація церковныхъ законовъ, изданіе распоряженій, относящихся къ исполненію законовъ, назначеніе должностныхъ лицъ и членовъ церковно-правительственныхъ установленій, разрѣшеніе жалобъ на рѣшенія послѣднихъ. Церковно-судебной власти ландесгерры не имѣютъ. Генеральный синодъ участвуетъ въ осуществленіи законодательной власти: для изданія церковнаго закона необходимо согласіе синода. Это положеніе въ юридической литературѣ раздѣляетъ судьбу аналогичнаго положенія относительно народнаго представительства: авторы, держащіеся монархическихъ тенденцій, толкуютъ его рестриктивно въ смыслѣ согласія на осуществленіе въ той-или иной конкретной формѣ законодательной власти, принадлежащей по существу ландесгерру; авторы же противоположнаго направленія признаютъ законодательную власть и за

синодомъ, такъ, что законодательная власть осуществляется, согласно законамъ, совмѣстно ландесгерромъ и синодомъ. Въ области управленія церковнаго синоду принадлежитъ управленіе церковнымъ имуществомъ и надзоромъ за нимъ, право давать свое согласіе на установленіе общихъ церковныхъ налоговъ, утвержденіе постановленій провинціальныхъ синодовъ, право информаціи, въ силу котораго онъ можетъ требовать отъ соотвѣтствующихъ церковныхъ установленій свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ церковной жизни, наконецъ, право петицій и жалобъ.

Переходъ къ описанной организаціи протестантскихъ церквей Германіи совершился въ періодъ времени отъ конца 50-хъ годовъ XIX ст. до конца 70-хъ, хотя не закончился и до настоящаго времени. Слѣдуетъ отмѣтить, что передъ проведеніемъ церковной реформы на началахъ конституціонализма и самоуправленія, въ теологическихъ кругахъ было довольно сильное сомнѣніе относительно успѣха реформы. Сомнѣвались въ способности церкви послѣ вѣковой несамостоятельности управлять своими дѣлами дѣйствительно самостоятельно. Этимъ быть можетъ объясняется, что реформа не пошла далѣе, не отлилась въ болѣе радикальную форму. Принципъ объединенія въ лицѣ монарха государственной и церковной власти былъ сохраненъ. Ему было теперь дано иное истолкованіе; въ немъ усмотрѣли принципъ внутренняго устройства евангелической церкви. Если изъ установленія историческихъ тенденцій позволительно дѣлать прогнозы относительно будущаго, то дальнѣйшее развитіе евангелической церкви въ Германіи, надо думать, освободитъ ее отъ пережитковъ историческаго прошлаго, въ томъ числѣ и отъ принципа объединенія высшей государственной и церковной власти въ лицѣ государя. Результаты реформы превзошли всѣ ожиданія, и оживленіе церковной жизни въ Германіи въ концѣ прошлаго вѣка приписываютъ ей. Въ настоящее время по крайней мѣрѣ теоретической юриспруденціи не чужда мысль, что церковная власть ландесгерра является историческимъ пережиткомъ, не имѣющимъ теоретическаго

основанія [1]). Сравнивающимъ положеніе русскаго императора въ православной церкви съ положеніемъ прусскаго короля въ церкви евангелической, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что послѣдній является одинаково конституціоннымъ главою какъ государства, такъ и церкви.

При господствѣ абсолютизма, какъ извѣстно, исключительнымъ источникомъ права, единственнымъ факторомъ, творящимъ право, признавали государственную власть: право исходитъ и можетъ исходить только отъ государственной власти (Theorie der herrschaftlichen Rechtsbildung). Необходимымъ логическимъ слѣдствіемъ этой теоріи было не только отрицаніе самостоятельности церковнаго права, но и отрицаніе самого его существованія. Церковное право съ точки зрѣнія этой теоріи распадается на двѣ части: на нормы, не нашедшія признанія государства, которыя относили къ нормамъ морали, и нормы, государствомъ признанныя, ставшія поэтому нормами государственнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. Въ настоящее время эта теорія уступила мѣсто другой, по которой государство не признается единственнымъ источникомъ права: «каждое органическое общеніе способно порождать право» (genossenschaftliche Rechtsbildung). Право въ объективномъ смыслѣ опредѣляется какъ совокупность нормъ, которыя по ясно выраженному сознанію общества внѣшне и въ безусловной формѣ опредѣляютъ свободное человѣческое воленіе [2]).

Еще ближе къ нашему вопросу трактуетъ тотъ же предметъ проф. Еллинекъ. По его взгляду, лишь въ томъ случаѣ, если бы существовалъ лишь одинъ союзъ, государство, при необходимости соціальной организаціи для существованія и охраны правопорядка, было бы единственнымъ источникомъ права или по крайней мѣрѣ

---

[1]) См. напр., *Штутцъ*. Церковное право, пер. подъ ред. Евг. Темниковскаго. 1905, стр. 332.

[2]) (Der Inbegriff der Normen), die nach der erklärten Ueberzeugung einer Gemeinschaft das freie menschliche Wollen in unbedingter Weise bestimmen sollen. *O. Gierke.* Deutsches Privatrecht въ Binding. Systematisches Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft. Leipzig. 1895, SS. 112 ff. Ср. *Stutz.* Die kirchliche Rechtsgeschichte. Stuttgart. 1905. S. 40.

осуществленія права... Въ настоящее время существуетъ рядъ союзовъ, творящихъ свое право независимо отъ государства, каковы, наприм., церкви и всякаго рода ассоціаціи.

Правда, Еллинекъ прибавляетъ: предназначенное къ реализаціи этого права принужденіе, какъ одинъ изъ аттрибутовъ верховной власти, принадлежитъ государству. Поэтому союзное право можетъ получить, по отношенію къ членамъ союза, характеръ объективнаго права только въ силу государственнаго дарованія или признанія въ формѣ автономіи, и только по волѣ государства это союзное право можетъ и по отношенію къ самому государству пріобрѣсти характеръ объективнаго права, т. е. *части самаго государственнаго порядка*. Созданіе объективнаго союзнаго права стало въ настоящее время дѣломъ исключительно самого государства.

Проф. Штутцъ, указывая на это мѣсто, останавливается на словахъ, отмѣченныхъ курсивомъ: если обратить вниманіе на отмѣченныя слова, то у Еллинека сказано не болѣе того, что церковное право нуждается въ признаніи его государствомъ и въ облеченіи его въ форму автономіи, чтобы быть правомъ государственнымъ, и только такимъ образомъ церковное право становится вынудимымъ (erzwingbar) внѣшними средствами и, слѣдовательно, насколько только возможно, совершеннымъ относительно своей реализаціи. Самостоятельность церковнаго права этимъ нисколько не ставится подъ вопросъ. Указанное признаніе государствомъ и облеченіе въ форму автономіи не только представляется простой формой, но и не всегда является свободнымъ дѣломъ государства. Никто не станетъ утверждать серьезно, что право древней церкви возникло только благодаря тому, что Константинъ сдѣлалъ его jus publicum. Равнымъ образомъ и новое церковное право не благодаря только признанію со стороны государства становится объективнымъ правомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова Для подкрѣпленія своего взгляда Штутцъ ссылается на другое мѣсто той же книги Еллинека: «Естественно-правовой юриспруденціи не доставало болѣе глубокаго пониманія различныхъ соціальныхъ

силъ, воздѣйствующихъ на право. Она прежде всего не уяснила себѣ, какъ безсильно было бы право, если бы оно располагало только средствами внѣшняго принужденія. Но уже въ то время можно было видѣть на примѣрѣ церковнаго права, что правопорядокъ можетъ быть гарантированъ иными средствами, чѣмъ тѣ, которыя объединяются подъ понятіемъ правового принужденія» [1]).

Сопоставляя эти слова съ приведенной выше выпиской, нельзя не видѣть ихъ несогласованности. Съ одной стороны Еллинекъ отрицаетъ за церковнымъ правомъ характеръ объективнаго права относительно членовъ церкви, если этотъ характеръ не дарованъ ему государствомъ, съ другой, указываются такіе признаки церковнаго права, которые вполнѣ совпадаютъ съ признаками понятія объективнаго права. Необходимость признанія церковнаго права правомъ объективнымъ по отношенію къ членамъ церкви можетъ быть обоснована и иными соображеніями. Хотя по государственному праву культурныхъ государствъ принадлежность къ церкви и, слѣдовательно, подчиненіе нормамъ церковнаго права—является дѣломъ свободной воли каждаго, такъ что съ потерей вѣры въ ученіе, исповѣдуемое церковью, всякій можетъ оставить церковь, какъ любой частно-правный союзъ, не такъ дѣло представляется внутри церковнаго союза, съ церковно-правовой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія убѣжденія вѣрующихъ, составляющихъ церковь. Принадлежность къ церкви для нихъ—это необходимое условіе религіозной жизни, потеря общенія съ ней равняется морально-религіозной смерти. Исключеніе изъ церкви составляетъ самое тяжкое наказаніе. Такая мотивація подчиненія праву церкви, можетъ быть, болѣе дѣйствительна, чѣмъ самыя страшныя послѣдствія нарушенія государственныхъ законовъ, включительно до смертной казни или пожизненнаго лишенія свободы. Поэтому, не со внѣ, не съ точки зрѣнія государственнаго права, а извнутри церкви, съ цер-

[1]) Право современнаго государства, рус. пер. Гессена и Шалланда. 1903, стр. 237—238; *Stutz.* Die kirchliche Rechtsgeschichte. SS. 38—40; Еллинекъ. Цит. соч. стр. 219.

коѣной точки зрѣнія, церковное право для членовъ ея есть объективное право, т. е. совокупность нормъ, которыя по ясно выраженному убѣжденію церкви внѣшнимъ образомъ и въ безусловной формѣ опредѣляютъ свободное человѣческое воленіе. Трудно согласиться съ Еллинекомъ, что союзное право (включая сюда церковное) можетъ получить, по отношенію къ членамъ союза характеръ объективнаго права только въ силу дарованія или признанія государствомъ въ формѣ автономіи. Послѣднія ничего не прибавляютъ къ существу церковнаго права внутри церкви, для ея членовъ, какъ таковыхъ. Положеніе Еллинека, быть можетъ, вполнѣ правильное въ отношеніи къ праву другихъ союзовъ, не совсѣмъ правильно относительно церкви, такъ какъ въ немъ упущена изъ виду одна очень существенная черта, заключающаяся въ томъ, что едва ли какой либо другой союзъ имѣетъ своимъ основаніемъ такую мощную стихійную силу, какъ религія. Уходя своимъ началомъ за предѣлы времени извѣстнаго исторіи, появившись въ исторіи какъ элементъ коллективной психики, она получила въ человѣческомъ сознаніи значеніе объективнаго факта, совершенно независимаго отъ воли отдѣльнаго индивида; ея сила наростала по мѣрѣ того, какъ она становилась составнымъ элементомъ культуры. Съ этимъ значеніемъ она остается и теперь для громадныхъ массъ населенія. Такимъ образомъ, не благодаря дарованію и не признаніемъ въ формѣ автономіи церковное право получаетъ значеніе объективнаго права для членовъ церкви. Но значеніе этого признанія и дарованія не безразлично для церковнаго права.

Въ настоящее время оно состоитъ не въ томъ, что благодаря государству церковное право становится частью государственнаго права: такой взглядъ велъ бы къ утвержденію принципа государственной церковности, давно пройденной ступени исторіи развитія права; такой взглядъ, кромѣ того, несовмѣстимъ съ современнымъ пониманіемъ задачъ государства и принципомъ религіозной свободы. Признаніе и дарованіе автономіи слѣдуетъ понимать въ смыслѣ признанія аналогичности и моральной равноцѣнности церкви и церковнаго права

государству и государственному праву. Церковное право, развивающееся жизнедѣятельностью самого церковнаго союза независимо отъ государства, признается послѣднимъ въ формѣ автономіи, другими словами: признается, что церковь нормируетъ свою жизнь ею же самой развиваемымъ правомъ, а не гетерономными нормами.

Въ самой тѣсной связи и зависимости отъ самостоятельности и непроизводности церковнаго права стоитъ непроизводность и самостоятельность церковной власти, данной церковнымъ правомъ.

Довольно распространенное, если не сказать—господствующее, мнѣніе, отправляясь отъ понятія верховенства (суверенитета) государственной власти признаетъ невозможность самостоятельной и непроизводной власти въ предѣлахъ государственной территоріи. Государство властвуетъ въ своей территоріи надъ всѣмъ, что можетъ быть подчинено государственной власти. Конечно, современная юриспруденція далека отъ тѣхъ взглядовъ, которые проводила школа естественнаго права, разсматривая церковную власть, какъ часть власти государственной. Она учитъ, что церковная власть самостоятельна и независима внутри церковнаго союза, но лишь по доброй волѣ государства; существованіе вполнѣ самостоятельной и непроизводной церковной власти является якобы несовмѣстимымъ съ государственнымъ суверенитетомъ. Такая точка зрѣнія содержитъ въ себѣ еще значительный осадокъ естественно-правовыхъ ученій и при ближайшемъ изученіи государственнаго и церковнаго властвованія должна пасть. Уже и въ настоящее время есть сторонники иного взгляда, которому, думается намъ, должно принадлежать будущее. Мы укажемъ здѣсь на государственника Rehm'a и канониста Stutz'a [1]).

Государственный суверенитетъ, по Rehm'у требуетъ лишь свободы отъ подчиненія другому территоріальному союзу, т. е. свободы отъ подчиненія союзу, который

[1]) Въ русской литературѣ аналогичный взглядъ высказанъ *проф. А. Л. Байковымъ* въ его сочиненіи «Современная международная правоспособность папства въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности», 1904. Ср. рец. *Евг. Темниковскій.* «Новая книга о папствѣ» (Юрид. библ. при Времен. Демидовс. Юрид. Лицея в. 66).

можетъ авторитарно, властно, вынудить исполненіе своей воли. Поэтому съ суверенитетомъ государства вполнѣ совмѣстима подчиненность порядку, который можетъ быть вынужденъ юридически, не авторитарно, а только на пути самозащиты, слѣдовательно, противопоставленіемъ своего права неприкосновенности. Въ дѣйствующемъ теперь правѣ бодэновское понятіе о суверенитетѣ всѣми принято лишь постольку, поскольку оно означаетъ не высшую, а самую высшую власть. Отступленіе отъ бодэновскаго опредѣленія суверенитета явилось съ теченіемъ времени въ томъ отношеніи, что суверенитетъ не означаетъ уже всякую абсолютно высшую территоріальную власть, но только высшую свѣтскую территоріальную власть. Если государство есть только свѣтское общеніе, то совершенное, т. е. независимое отъ другихъ территоріальныхъ союзовъ, государство независимо только отъ другихъ свѣтскихъ союзовъ. Подчиненіе его духовному союзу такъ же совмѣстимо съ этимъ его характеромъ (суверенитетомъ), какъ подчиненіе духовнаго союза государству. Имѣетъ ли мѣсто то или другое—вопросъ не права, а силы. Можетъ государство преобладать надъ церковью, какъ и обратно,—церковь надъ государствомъ [1]). Такимъ образомъ, по взгляду Rehm'a суверенитетъ государственный не исключаетъ высшей самостоятельной власти церкви въ предѣлахъ государственной территоріи; наряду съ суверенитетомъ свѣтскаго территоріальнаго союза можетъ существовать въ той же территоріи суверенная церковная власть.

Построеніе Rehm'a въ русской юридической литературѣ было оспорено проф. Н. И. Паліенко [2]). «Было время, по его словамъ, когда церковная власть не только притязала на универсальное господство надъ всякой земной властью, но и фактически заставляла подчиняться себѣ самыхъ могущественныхъ свѣтскихъ властителей. Но государственная власть безпрестанно отрицала пра-

---

[1]) H. Rehm. Allgemeine Staatslehre, Freiburg i. R. 1899, ss, 148, 61, 35—36.

[2]) Суверенитетъ. Историческое развитіе идеи суверенитета и его правовое значеніе. 1903, стр. 299 слѣд.

вомѣрность такого положенія и постоянно отвергала притязаніе церкви на вмѣшательство въ свѣтскія дѣла. Въ періодъ всей долголѣтней борьбы съ честолюбивыми притязаніями папъ на универсальное господство государственная власть, хотя и признавала самостоятельное значеніе церковнаго права и высшій авторитетъ церкви въ области чисто внутреннихъ церковныхъ и религіозныхъ отношеній, но энергично поддерживала принципъ своего верховенства въ области государственныхъ отношеній, въ сферѣ свѣтскихъ дѣлъ»[1])... Эти не совсѣмъ отчетливо формулированныя историческія соображенія ни мало не колеблютъ построенія Rehm'a, потому что не соотвѣтствуютъ историческимъ даннымъ. Такъ имперія въ XII и XIII вв. не фактически, а юридически, въ силу положительнаго права, была подчинена власти папъ. Избраніе императоровъ представлялось на утвержденіе папъ, и это было не требованіемъ политики и даже не правиломъ одного лишь каноническаго права, а и нѣмецкаго государственнаго права, которымъ нормировалась дѣятельность органовъ нѣмецкой имперіи. Впрочемъ, для насъ теперь важна вѣрность построенія Rehm'a не съ историко-юридической точки зрѣнія, а съ догматической, съ точки зрѣнія современнаго пониманія государственнаго суверенитета. Проф. Паліенко оспариваетъ Rehm'a и съ этой точки зрѣнія. По его мнѣнію, «акты церковнаго управленія и осуществленіе органами церкви принудительной власти въ предѣлахъ государственной территоріи требуютъ согласія на это гусударственной власти и, во всякомъ случаѣ, въ той или другой формѣ подлежатъ верховному надзору органовъ государства. Другими словами, государство утверждаетъ свое правовое верховенство надъ церковью въ предѣлахъ своей территоріи. Такъ дѣло обстоитъ въ настоящее время во всѣхъ государствахъ. Принципъ верховенства государства надъ всѣми лицами и разнообразными союзами, находящимися или дѣйствующими на его территоріи, является въ настоящее время не только результатомъ всего историческаго развитія государственной

[1]) Тамъ же, стр. 301.

власти, монополизаціи и концентраціи властвованія государствомъ, но и основнымъ принципомъ государственной жизни, неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ самаго существа государства, какъ высшаго территоріальнаго союза властвованія, въ силу чего всякая власть въ смыслѣ юридически организованной воли, направленной на принудительное примѣненіе и защиту актовъ этой воли, можетъ осуществляться лишь съ согласія или уполномочія государственной власти. Эта юридически организованная сила можетъ, конечно, какъ и самое право, ее нормирующее, примѣняться лишь къ внѣшнимъ отношеніямъ, къ внѣшнимъ проявленіямъ человѣческой жизни, но не можетъ господствовать надъ чисто внутренней стороной человѣческой личности. Вотъ почему въ этой сферѣ чисто внутреннихъ актовъ человѣческой жизни, въ сферѣ человѣческихъ чувствъ и мыслей, въ области вѣры, нравственный авторитетъ церкви, насколько она является признанной охранительницей догматовъ религіи и учительницей въ области вѣры, несравненно выше, сильнѣе и дѣйствительнѣе какой бы то ни было государственной власти, но изъ этого никоимъ образомъ нельзя заключать еще о суверенитетѣ церкви, хотя бы въ сферѣ только церковныхъ отношеній» [1]).

Въ приведенной выпискѣ довольно ясно выражена господствующая тенденція при трактованіи вопроса о церковной власти въ связи съ государственнымъ суверенитетомъ разлагать церковное властвованіе на «моральное вліяніе, нравственный авторитетъ въ сферѣ чисто внутреннихъ актовъ человѣческой жизни, въ области человѣческихъ чувствъ и мыслей, въ области вѣры», съ одной стороны, и «актовъ церковнаго управленія, осуществленія органами церкви принудительной власти», съ другой. По отношенію къ первымъ не требуется, повидимому, ни уполномочія, ни согласія, ни, можетъ быть, даже надзора (?) со стороны государственной власти, господствующей на той территоріи, гдѣ таковые акты имѣютъ мѣсто. Но по отношенію къ

[1]) Тамъ же, стр. 302—303.

послѣднимъ требуется не только надзоръ, но и согласіе и даже уполномочіе государственной власти. Для того, чтобы сдѣлать эту логическую операцію пріемлемой, съ удареніемъ указываютъ на принудительный характеръ государственнаго властвованія. Но всѣ такого рода разсужденія, въ существѣ своемъ являющіяся отрицаніемъ церковной власти какъ таковой, покоятся лишь на неясномъ понятіи власти вообще.

Власть есть господство извѣстной воли надъ свободными людьми, независимо отъ воли подчиняемыхъ. Высшая или суверенная власть, въ отличіе отъ власти по уполномочію или по делегаціи, не обусловливается наличностью другой власти, отъ которой она получила бы свое бытіе; она не производна, первоначальна. Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о господствѣ въ силу правопорядка, о власти юридической, а не о простомъ фактическомъ подчиненіи, насиліи. Это опредѣленіе одинаково должно относиться, какъ къ государственной, такъ и къ церковной власти. Какъ бы ни былъ высокъ моральный авторитетъ того или другого лица или совокупности лицъ, какое бы мощное моральное вліяніе не оказывали они на окружающихъ, этотъ авторитетъ и это вліяніе—не власть; они покоятся, какъ это бываетъ почти всегда, не на правопорядкѣ, а на чисто фактическихъ отношеніяхъ. Мало того, подчиненіе одного лица моральному авторитету или вліянію другого, всегда сопровождается сознаніемъ, что такое подчиненіе—дѣло свободной воли подчиненныхъ; если бы подчиненіе оказалось несвободнымъ, вынужденнымъ, то самъ собою исчезалъ бы моральный авторитетъ; его мѣсто занимало бы другое отношеніе, напр., экономическая, юридическая зависимость и т. п. Моральный авторитетъ можетъ быть одинаково присущъ государственной, какъ и церковной власти; но и та, и другая можетъ и не обладать имъ.

Далѣе, также требуетъ разъясненія и признакъ принудительности государственной власти. Подъ понятіемъ принужденія можно понимать простое физическое принужденіе. Но физическое принужденіе даже въ сферѣ государственнаго властвованія примѣняется сравнительно

рѣдко и не потому только, что въ этомъ не встрѣчается надобности, а потому главнымъ образомъ, что въ очень многихъ случаяхъ оно не можетъ быть примѣнено: его можно примѣнить при недопущеніи какого либо дѣйствія (разсѣяніе скопищъ), при требованіи выдачи вещи (принудительное взысканіе налоговъ и податей), но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда власть требуетъ отъ подчиненныхъ извѣстныхъ положительныхъ дѣйствій, физическое принужденіе не примѣнимо: нельзя принудить къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя или опекуна, къ принесенію присяги и т. п. Подъ понятіе принужденія подводится также психическое принужденіе, т. е. давленіе на волю путемъ угрозъ и наказаній или иными невыгодными послѣдствіями неподчиненія. Но такое психическое принужденіе не составляетъ отличительнаго признака и чего либо характернаго для государственнаго властвованія. Оно можетъ быть присуще любой власти, даже, въ извѣстной мѣрѣ, моральному авторитету.

Такимъ образомъ, власть государственная и власть церковная по своей юридической природѣ тождественны. Усматривать ихъ различіе въ томъ, что церковная власть есть моральный авторитетъ, значитъ вообще отрицать существованіе церковной власти, игнорируя дѣйствительное властвованіе церкви, а опредѣлять государственную власть въ отличіе отъ церковной какъ власть принудительную равносильно смѣшенію одного изъ видовъ проявленія государственной власти съ ея существомъ. На самомъ дѣлѣ, пусть сторонники такихъ построеній укажутъ, чѣмъ отличаются по своей юридической природѣ акты государственной власти по признанію законности рожденія или по замѣщенію должностей отъ такихъ же актовъ власти католической церкви!...

При признаніи въ предѣлахъ одной и той же территоріи двухъ самостоятельныхъ, непроизводныхъ другъ отъ друга правопорядковъ—государственнаго и церковнаго, логически необходимо допустить возможность существованія двухъ высшихъ (суверенныхъ) властей—государственной и церковной. Исторія знаетъ подчиненіе одной изъ этихъ властей другой и инкорпорированіе

одного изъ двухъ порядковъ другимъ, но сознаніе ихъ особности и самостоятельности никогда не терялось. Съ точки зрѣнія современнаго ученія о правѣ и власти и современнаго пониманія государства и церкви, надъ ними нѣтъ и не можетъ быть порядка съ юридическимъ характеромъ. Та или иная форма ихъ симбіоза—случайна (дана исторіей), не вытекаетъ изъ самыхъ понятій, не органическаго характера. Но въ то же время государство и церковь постоянно соприкасаются другъ съ другомъ, потому что къ нимъ принадлежатъ одни и тѣ же лица, затѣмъ существуютъ пограничныя области, на которыя притязуютъ обѣ стороны и при томъ каждая на основаніи своего правопониманія и своего правопорядка. При регулированіи границъ властвованія возможны конфликты. Только въ томъ случаѣ, если бы надъ государствомъ и церковью стоялъ правопорядокъ, обнимающій то и другую, разрѣшеніе конфликтовъ могло бы имѣть мѣсто по принципамъ права. Но такъ какъ рѣчь идетъ не о союзахъ одного порядка, рѣшающее значеніе принадлежитъ исключительно силѣ, конечно, не въ смыслѣ грубой физической мощи, а въ смыслѣ духовнаго, лишь поддерживаемаго принудительными средствами, превосходства, которое подчинено законамъ морали и стоитъ въ зависимости отъ воззрѣній эпохи. Устроеніе отношеній государства и церкви составляетъ предметъ политики и только политики [1]).

Эту точку зрѣнія надо имѣть въ виду при изученіи отношеній государственной и церковной властей въ предѣлахъ одной и той же территоріи. Въ Германіи, какъ было сказано, церковные союзы разсматриваются какъ автономныя публично-правныя корпораціи (лучше бы—установленія, Anstalten). Но это положеніе лишь одностороннее правило государственнаго (или государственно-церковнаго Staatskirchenrecht) права. Оно не покрываетъ всего юридическаго содержанія реальнаго правового явленія и не уясняетъ вопроса во всемъ его объемѣ. Да и въ сферѣ государственно-правовой церковная автономія не тождественна съ другими видами автономіи:

[1]) *Штутцъ.* Церковное право, стр. 210—211.

ея основаніе и правовое значеніе sui generis. Даруя извѣстному территоріально-личному или личному союзу автономію, государство предоставляетъ ему дѣйствовать, хотя и подъ надзоромъ государственной власти, но самостоятельно въ такой сферѣ, гдѣ государственная власть, не становясь въ противорѣчіе съ своимъ существомъ, могла бы дѣйствовать, исключая всякій другой факторъ, гдѣ, слѣдовательно, союзъ въ силу полномочія государства въ предѣлахъ отведенной ему компетенціи самостоятельно ставитъ цѣли и свободно избираетъ законныя средства для достиженія этихъ цѣлей. Такова, напримѣръ, автономія отдѣльныхъ провинцій, общинъ, университетовъ и т. п. Основаніе того, что государство предоставляетъ автономію отдѣльной провинціи, чаще всего состоитъ въ томъ, что эта провинція пользовалась ранѣе, чѣмъ она вошла въ составъ даннаго государства, политическою самостоятельностью, или представляетъ въ культурномъ отношеніи, т. е. въ отношеніи національности, языка, религіи и т. п. рѣзко обособленную отъ остального государства часть его. Подчиненіе такой провинціи государственной власти на общихъ основаніяхъ, вообще говоря, вполнѣ возможное, представляется неудобнымъ съ политико-правной точки зрѣнія. Такое подчиненіе чувствовалось бы населеніемъ какъ тягостное умаленіе правъ, или какъ подчиненіе чуждой власти. Предоставленіе автономіи такимъ личнымъ союзамъ, какъ университеты и другія высшія учебныя заведенія, основывается на томъ, что ученоучебная дѣятельность безъ ущерба въ продуктивности и качествѣ ея не можетъ быть поручена обыкновеннымъ государственнымъ учрежденіямъ, такъ какъ необходимымъ условіемъ успѣшности этой дѣятельности является личная иниціатива, свободное самоопредѣленіе и т. д. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣятельность—или по существу ничѣмъ не отличающуюся отъ дѣятельности государственной (какъ это имѣетъ мѣсто въ автономныхъ провинціяхъ и общинахъ), или, хотя и отличную отъ нея по своему существу, однако направленную на достиженіе такихъ цѣлей, которыя входятъ въ задачи государства. Государство въ числѣ

своихъ задачъ имѣетъ и развитіе духовной культуры, слѣдовательно, разработка наукъ и распространеніе научныхъ знаній не стоятъ внѣ государственныхъ задачъ.

Не такъ дѣло обстоитъ относительно церквей. Цѣли церквей не только лежатъ внѣ государственныхъ задачъ, но и вообще трансцендентны по отношенію къ земному міру; онѣ заключаются въ содѣйствіи человѣку въ достиженіи имъ вѣчнаго спасенія, предъ абсолютной, несравнимой цѣнностью котораго для вѣрующаго отступаютъ всѣ цѣнности земной жизни. Государство извратило бы эту цѣль своимъ вмѣшательствомъ въ эту область или рисковало бы само обратиться въ церковь. Конечно, государство не можетъ безразлично относиться къ дѣятельности церкви: проникновеніе народа нравственными началами христіанства въ высшей степени желательно и для государства. Но церковь ни на одинъ моментъ не можетъ стать на эту утилитарную точку зрѣнія относительно религіи: религія для церкви самоцѣль и средствомъ для другихъ цѣлей быть не можетъ.

Трактованіе религіи, какъ средства для цѣлей государственныхъ, если это доходитъ до сознанія, губитъ религію или политическую цѣль, для которой религія избрана средствомъ. Поэтому церковная автономія даже съ государственно-правовой точки зрѣнія, представляетъ нѣчто отличное отъ другихъ видовъ автономіи. Въ автономной области церкви мы имѣемъ такую сферу, до которой, по мѣткому выраженію проф. Штутца, государственная власть простирается, но въ которую она не проникаетъ. Эта граница установилась, какъ результатъ долгаго, измѣряемаго десятками столѣтій, процесса развитія, а въ наше время въ культурныхъ государствахъ она фиксирована государственнымъ правомъ. Въ настоящее время признаніе принципа религіозной свободы является однимъ изъ необходимыхъ элементовъ юридическаго порядка всякаго правового государства; его отрицаніе—свидѣтельствомъ на варварство. Этотъ незыблемый для правового государства принципъ обезпечиваетъ индивидамъ свободную отъ государственнаго властвованія сферу, гдѣ съ внѣцерковной точки зрѣнія индивидъ суверененъ, а съ церковной—индивиды, свя-

занные одной объективной религіей, подчинены суверенной юридической власти церкви въ силу существующаго церковнаго правопорядка.

Начало соединенія въ лицѣ государя страны государственной и церковной власти, явившееся въ результатѣ господства ученія, не признававшаго вообще свободы индивида отъ властнаго государственнаго попеченія въ какой бы то ни было области, должно исчезнуть, разъ въ правосознаніе общества проникнетъ убѣжденіе, что религія составляетъ абсолютно-запретную область для государственнаго властвованія. Правовое, конституціонное государство должно дать свой чеканъ церковному строю. Въ правовомъ государствѣ должна быть правовая церковь.

Мы заканчиваемъ нашъ очеркъ, снова возвращаясь къ русскому праву. Соединеніе въ лицѣ Императора Всероссійскаго высшей государственной и церковной власти является историческимъ наслѣдіемъ отъ вліянія идей естественнаго права. Въ русскомъ законодательствѣ оно нашло себѣ такое выраженіе, которое въ настоящее время не можетъ имѣть ни теоретическаго, ни практическаго оправданія. Сознаніе этого положенія стало достояніемъ широкихъ церковныхъ круговъ. Но юридическое содержаніе необходимой въ церковной области реформы представляется совсѣмъ неразработаннымъ. Съ одной стороны выдвигается настойчивая защита принципа соединенія въ одномъ лицѣ высшей государственной власти и самодержавія съ его церковной стороны; заслуженный упрекъ въ цезаропапизмѣ парируется указаніемъ на то, что русскій церковный строй съ меньшимъ основаніемъ можетъ быть названъ цезаропапизмомъ, чѣмъ строй прусской евангелической церкви; при этомъ непонятнымъ образомъ забывается, что существенной чертой цезаропапизма является абсолютизмъ, который въ настоящее время чуждъ какъ церковному, такъ и политическому строю Пруссіи. На противоположной сторонѣ оперируютъ принципомъ соборности, юридическое содержаніе котораго, кажется,

далеко не ясно самимъ защитникамъ его: достаточно сказать, что подъ это понятіе подводятся и простые съѣзды епархіальныхъ архіереевъ, съ исключеніемъ даже архіереевъ викарныхъ и находящихся на покоѣ, и церковный парламентъ, въ который кромѣ архіереевъ, входятъ свободно-избранные представители, какъ духовные, такъ и свѣтскіе Причины такой теоретической неподготовленности реформы лежатъ, конечно, въ значительной мѣрѣ въ общей политической конъюнктурѣ страны, но не въ меньшей въ спеціальныхъ условіяхъ разработки церковной науки. Въ Германіи опасались за судьбу церковной реформы въ виду вѣковой несамостоятельности церкви; если это опасеніе не оправдалось, то, быть можетъ, главнымъ образомъ потому, что для руководящихъ церковныхъ круговъ значеніе и смыслъ реформы былъ ясенъ; свободная богословская наука съ теоретической стороны сдѣлала все отъ нея зависящее. У насъ реформа церкви встрѣчаетъ сильный тормазъ не только въ несамостоятельности церкви, но и въ неблагопріятныхъ условіяхъ теоретическаго подготовленія реформы.

Сопоставленіе церковнаго вопроса въ Россіи и Германіи, возможно, вызоветъ указаніе на то, что для Россіи въ дѣлѣ организаціи русской православной церкви примѣръ Германіи и евангелической церкви не можетъ имѣть какого-нибудь значенія. Но на это можно отвѣтить, что въ свое время при реформѣ устройства русской церкви въ условіяхъ аналогичныхъ современнымъ, дана была такая организація, на которой съ полнымъ основаніемъ могло бы стоять клеймо: made in Germany.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ